

Колосёр
1
ЯНВАРЬ
1969

САЛЮТ

Анелла Кручина, 7 лет

В ВОЗДУХ ПОДНИМАЛИСЬ АЭРОСТАТЫ

Слава Лисицын, 6 лет.

Костёр

1
ЯНВАРЬ

1969

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Встречи с Лениным

из воспоминаний А. ЛЕБЕДЕНКО 2

Цветок жизни

очерк В. БИАНКИ 6

Дети блокады

стихи и рисунки 8

Невероятно насыщенная жизнь

повесть В. ФРОЛОВА 9

Совет друзей 23

Страна Поэзия 24

Ребята с нашего двора

вспоминает А. ЛУГОВЦОВА 26

Дневник Харри Эзола

документ блокады 27

Ленинградская сказка

Е. ШВАРЦА 31

Веселые стихи 36

Рассказы про слова

Л. УСПЕНСКОГО 37

Военная летопись „Ностра“ 39

Морская газета 40

Говорящая машина

фантастический рассказ ДЖ. КРЮССА 42

Открытки из Африки

из путевого дневника П. ВОЙЦЕХОВСКОГО 48

Первый снаряд

рассказ В. СУСЛОВА 52

Географ прежде всего

очерк Н. ТЕРЕБИНСКОЙ 54

Уголён

журнал для малышей 57

Школа „Спринт“ 59

Марш школы „Спринт“

музыка Л. РОМАНОВА, текст А. ЛОСЕВА 60

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, фото, рисунки 62

Шахматы 64

...я вижу, что он действительно рад меня видеть, и готова провалиться сквозь землю.

Читайте повесть Вадима Фролова «Невероятно насыщенная жизнь»

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

(Из воспоминаний)

А. Лебедево

Весной 1917 года меня, как члена дивизионного комитета, командировали в Петроград с различными поручениями, главным образом за революционной литературой и письменными принадлежностями для созданной в эти дни дивизионной школы.

И вот Петроград. Я и мой спутник ходим по Невскому, едва козыряя необычайно ласково улыбающимся навстречу генералам, не становясь им во фронт. Ищем и находим что-то новое в чертах знакомого города. С трудом пробираемся к киоскам Таврического дворца. На улицах, в театрах, в цирке «Модерн», что у дворца Кшесинской, слушаем ораторов различных партий.

Бурной волной вливаются в наше сознание противоречивые мысли, мнения, пункты программ. Обмениваемся впечатлениями в молодой жажде правды, в поисках необходимой истины.

У моего товарища — красный солдатский погон, у меня — золотой. На первый взгляд, мысли наши текут рядом. Созвучно. Во многом мы согласны. Но иногда мне кажется, что он таит от меня что-то свое. Ловлю себя на таком же тайном инакомыслии.

Мы ходим больше пешком по улицам Петрограда, по его площадям, на которые хлынуло солдатское и матросское море. Заходим в широко распахнувшиеся двери и подъезды дворцов. В Таврическом, не утихая, шумит разноголосая, в основном рабочая и военная, толпа. На Невском, чуя свой конец, бушуют разгулявшиеся дурные военные деньги.

На Выборгской в вечерние часы также шумно. Здесь как бы вырывается наружу подземный гул. Люди заводских цехов озабочены, взволнованы по-деловому, ходят группами, ищут жен и сестер по очередям у бу-

Рисунки В. Бескаравайного

лочных, мясных и зеленых. Повсюду снуют газетчики, выкрикивают вести с фронтов войны, речи думцев.

Газетная разноголосица с новой силой обрушилась на наши бедные и без того запустившиеся головы.

В эти дни едва ли не самым оживленным местом в Петрограде был треугольник между Петропавловской крепостью, цирком «Модерн» и дворцом Кшесинской. Сейчас эту площадь зовут площадью Революции.

Здесь впервые я увидел и услышал живого Ленина.

Когда он вышел на балкон, толпа затихла. На тех, кто пытался шуметь, толпа смотрела так, что им лучше всего было незаметно скрыться.

В те дни не было микрофонов, и оратору надо было напрягаться. Но Ленин был не из тех ораторов, которые гонятся за внешним блеском. Ни его наружность, ни слегка картавый голос не способствовали силе первого впечатления. Он понимал, что охватить всю огромную площадь никакой человеческий голос не в силах, и бросал в эту массу людей простые, ясные фразы, основные мысли, не затемненные никакой казуистикой, ораторскими красотою, той словесной шелухой, за которой чаще всего кроется идейная нищета, отсутствие правды.

Помню, что я ушел с площади смущенный несоответствием этой прямой, ясной речи с многоголосым и разноголосым шумом, который подняла над всей страной Февральская революция и который все еще жил и во мне самом.

После слов Ленина нельзя было не думать. Он ставил перед слушателями вопросы так,

что уклониться от ответа перед другими, может быть, было и можно, но перед самим собой нельзя.

В 1918 году я вступил в партию в Василеостровском районе Петрограда и был направлен в запасной артиллерийский дивизион на Виленском переулке. Формировавшаяся здесь батарея готовилась к выезду на фронт. Уже в декабре 1918 года я оказался в Прибалтике, в действующей армии.

Владимира Ильича я увидел вновь в 1919 году.

Незабываемое впечатление произвела на меня одна встреча. Это было на VII съезде Советов РСФСР в Москве. В декабре 1919 года.

Редактор «Петроградской правды» Владимир Николаевич Васильевский предложил мне поехать на VII съезд Советов в качестве спецкорреспондента.

Подписывая удостоверение, он сказал:
— Побеседуйте с Калининым... А главное, с Владимиром Ильичом. Но это, конечно, вам не удастся.

При этом он посмотрел на меня с усмешкой, которая ясно говорила: «Где уж там!»

Я смолчал, но в душе решил: «Говорить с Лениным буду!» Я был молод, не было недостатка в темпераменте и решительности.

Но в Москве я с первых шагов понял, что не так-то просто будет в такие дни добиться разговора с самим Лениным.

Мы, журналисты, получили красные книжечки с правом входа в Большой театр только через один из боковых артистических подъездов. Пройти из зала в Президиум было невозможно. Через ров оркестра были переброшены три простые доски. У входа из зала на этот шаткий мостик стоял неумолимый часовой, курсант Кремлевской школы ВЦИК, в пилотке, такие пилотки тогда назывались сербскими шапочками. Казалось, только чудо могло помочь мне.

И чудо все-таки свершилось.

Из всех влиятельных членов Президиума съезда хорошо знал меня только Михаил Иванович Калинин, всероссийский староста, председательствовавший на съезде. Когда он в перерыве вдруг направился к рампе, вдоль которой я прохаживался внизу в ожидании «чуда», я решился.

Не так много времени прошло с тех пор, как я встречался с Михаилом Ивановичем чуть ли не каждый день в Петрограде, где он в 1918 году был председателем городской управы. Михаил Иванович узнал меня и спросил, что я здесь делаю. Пока я объяснял ему, мы оба двигались к заветному мостику — переходу со сцены в зал. Когда Михаил Иванович, видимо, желавший сойти в зал, вступил на доски, вступил на доски и я. Часовой замер.

Михаил Иванович протянул мне руку, и я, пожимая ее, стал слегка теснить его назад в сторону сцены.

— Что такое? — сказал в недоумении Михаил Иванович.

Но мы уже были на сцене, и тут я откровенно сознался ему в своих затруднениях, призывая Михаила Ивановича к петроградскому патриотизму, просил его помочь «Петроградской правде»... и мне.

— С кем же вы хотите говорить? — спросил меня Калинин, когда мы уже стояли в глубине сцены.

Я перечислил ряд руководящих работников того времени и прибавил:

— А самое главное, с Владимиром Ильичом.

Михаил Иванович задумался, по привычке пощипывая бородку. Ленин стоял окруженный членами Президиума и выступавшими в прениях.

— Что ж, попробуем... — сказал после долгой паузы Михаил Иванович.

Это был перерыв между концом прений по основному политическому докладу и заключительным словом докладчика. Только по юношескому легкомыслию я мог предполагать, что Ленин, председатель Совнаркома и докладчик, может уделить какое-то время и какую-то долю внимания неведомому юному журналисту. Но что мне оставалось делать?

В ответ на просьбу Калинина поговорить со спецкорреспондентом «Петроградской правды» Владимир Ильич сказал:

— Хорошо, — и, обращаясь ко мне, спросил: — Что же вас интересует?

Он отошел со мной далеко в сторону и тут же исчез за кулисами.

Расстроенный и растерявшийся, я стоял в дальнем углу сцены, не зная, что делать. Но через несколько секунд Ленин появился, неся стул. Второй стоял рядом. Мы сели и начали беседовать.

Это был последний съезд Советов РСФСР, на котором присутствовала оппозиция. Немногочисленных ее представителей разместили в бывшей царской ложе, что порождало среди депутатов немало шуток.

Я спросил Владимира Ильича, как представляет он себе будущее оппозиции. Трудно теперь вспомнить и повторить точные слова Владимира Ильича, но мысль его приблизительно была следующей.

Все зависит от самих оппозиционеров. Если они действительно хотят работать с большинством народных представителей, они должны помочь Советской власти. Но если они будут вставлять только палки в колеса, большинство попросит их не мешать и уйти со сцены.

Беседу прервал звонок председателя.

— Ну-с, — развел руками Владимир Ильич, — Михаил Иванович звонит, ничего не поделаешь...

Я поднялся. Видя мое замешательство, Владимир Ильич сказал:

— Посидите здесь. Потом закончим.

Он произнес свое историческое заключительное слово, и его плотным кольцом окружили члены Президиума и прорвавшиеся на сцену депутаты. Ведь съезд происходил в замечательные дни, когда деникинские дивизии, потерпев поражение у Орла, покатались к Черному морю и Красная Армия готовилась занять Киев, Полтаву и Харьков. Сообщение об этом, сделанное народным комиссаром по

военным делам, вызвало бурный восторг всего зала.

Сам я был захвачен общим волнением, но пробиться к Ильичу было невысказано. Момент опять был самый неподходящий.

Я долго одиноко стоял в стороне.

Наконец, когда сцена несколько опустела, Владимир Ильич все же заметил меня. Вероятно, вид мой убедительно свидетельствовал о моих переживаниях. Ленин подошел ко мне и несколькими фразами закончил нашу беседу.

Позже, размышляя об этой встрече, я понял, до какой степени Ленин ценил человеческое достоинство. Кто бы ни был перед ним, он встречал его уважительно. Это он доказал еще раз и во встрече со мною, никому не известным юношей.

Неудивительно, что эта встреча запомнилась мне на всю жизнь.

Еще раз я видел Ленина близко. Это было 19 июля 1920 года.

В Таврическом дворце состоялось торжественное открытие Второго конгресса Коммунистического Интернационала.

Никогда не забыть эту красочную картину.

Не чопорные фраки, сюртуки, поддевки и священнические рясы думцев, но красочные

наряды народов всего земного шара заполнили квадратный зал заседаний.

Звучала разноплеменная речь. Люди, прибывшие со всех пяти материков, весело перекликались, знакомились, дружески обнимались.

Из уста в уста передавались рассказы о том, какие трудности лежали на пути делегатов, какие жандармские и пограничные рогаки пришлось им преодолеть. Рассказывали, что кто-то пересек границу в ящике от пианино, другой чуть ли не в бочке.

Делегаты Индии здесь встречались с англичанами, арабы с французами, японцы с китацами.

Я был взволнован этим праздником объединяющегося трудового человечества и написал статью, в которой было мало привычных слов и множество восклицательных знаков.

Редактор подвел меня к Ленину, и он, не узнав меня, сказал одну простую фразу:

— С чувством написали — это хорошо!

Я молча поклонился и отошел в сторону.

В тот же вечер Владимир Ильич уехал в Москву.

Больше я уже не видел этого замечательного человека. Но кто его видел хоть раз, тот уже не забывал никогда.

**25 лет назад
была прорвана
блокада Ленинграда**

В этом номере вы прочтете рассказы, очерки, стихи, посвященные тем героическим дням.

Объявить строительство памятника „Цветок жизни“, сооружаемого в память о подвиге ленинградских детей в дни блокады Ленинграда, ударным объектом ленинградской пионерской организации к юбилею ВЛКСМ.

Городскому пионерскому штабу установить на строительстве командный пост Пионерстроя для осуществления контроля за ходом строительства. Районным советам пионерских организаций направлять на объект лучшие пионерские отряды и победителей слотра „Смена смене идет“, передовые отряды и бригады Пионерстроя.

Из постановления Бюро Ленинградского Совета пионерской организации имени В. И. Ленина

Цветок жизни

Валентина Бианки

Архитектор Павел Иванович Мельников, пятясь, вылез из машины. Руки у него были заняты: он тащил дюжину новеньких лопат. Вслед за ним выпрыгнул из «Волги» Александр Данилович Левенков. Под мышкой Александр Данилович держал большую книгу в толстом сером переплете.

Авторы «Цветка жизни» прибыли на стройку. Собственно говоря, стройки пока никакой и не было. Тут, на втором километре легендарной «Дороги жизни», справа от шоссе виднелись дома пригородной деревеньки. Слева расстилалась пойма речки Луппы. Вдоль берега Луппы шерились ряды остроугольных противотанковых надолб.

Примерно так выглядело это место двадцать с лишним лет назад — когда гитлеровцы блокировали город Ленина. В дни, когда грузовики мчались к Ладоге, чтобы увезти на Большую землю, чтобы спасти от голодной смерти сотни женщин и детей. Больше всего в кузовах было детей.

По этой дороге проехал в 1942 году детдомовец Паша Мельников. Будущий архитектор Мельников. А сейчас он, аккуратно положив на травку лопаты, разогнулся и посмотрел в сторону Ленинграда.

— Где же ребята? Впрочем, вот, кажется, и они...

— Из лагеря «Орленок», за работу!

Добровольцы не спрашивали, зачем их позвали сюда. Все знали, что им предстоит строить. Только один октябренок, тронув пальцем книгу в сером переплете, спросил:

— Дядя, а зачем этот альбом?

— Его мы сделали специально, — ответил Левенков. — Каждый, кто потрудится, сможет оставить запись. Книга будет храниться вечно...

Через несколько часов черенки новеньких лопат, привезенных Павлом Ивановичем, потемнели от земли и пота. А в книге появились первые строки: «Котлован для памятника вырыт почти наполовину...»

С этих пор не проходило, пожалуй, дня, чтобы у деревни Ковалево не работали ребята отряды. Как и на всякой большой стройке, здесь понадобились и бульдозеры, и краны, и разная другая «взрослая» техника, ребята расчищали площадку, просеивали мраморную крошку — ее понадобилось много тонн! — «бучарили», то есть специальными молоточками обстукивали мраморные осколки, чтобы поверхность памятника блестела, становилась как бы льдистой...

Пионерские посты дежурили на шоссе. Так когда-то во время войны дежурили армейские регулировщики, обеспечивая порядок на «Дороге жизни». Ребята указывали путь к будущему «Цветку» множеству людей. Шофер, эвакуировавший детей через ледовую трассу, вел за руку внука. Шла мать, похоронившая в войну троих мальчиков-сыновей. Потом прибыли ленинградцы-блокадники, воспитанники детских домов. Потом — пионеры военных лет, награжденные медалью «За оборону Ленинграда». Потом — лучшие бригады Пионерстроя.

Строителям, и маленьким и взрослым, некогда было много разговаривать. И все же как часто слышалось здесь тихое: «А помнишь?..» «Помню...»

«Цветок жизни» стал по-настоящему народной стройкой. Вот почему всего за девяносто дней в пойме реки Луппы вырос памятник.

На четырнадцать метров уходит в высоту стебель «Цветка». Вокруг него скоро вырастет целый памятный комплекс, посвященный детям-героям. И когда ты пойдешь к «Цветку» по длинной белой тропе, ты успеешь увидеть многое и подумать тоже о многом. С одной стороны тропы установят каменные страницы. На них выбьют строки из дневника одиннадцатилетней ленинградской школьницы Тани Савичевой, погибшей от голода в блокаду. Сам дневник хранится в музее. Здесь его точная копия. «Женя умерла 28 декабря, в 12 часов 30 минут утра 1941 г. ...» «Мама — 13 мая, в 7 час 30 мин. утра 1942 г. ...» «Савичевы умерли... Умерли все... Осталась одна Таня».

Тяжело, страшно читать эти строки. Мрачно грозят, стоя против белых страниц, угловатые кулаки черных камней. Как напоминают они о злых силах, которые обрекли ленинградцев на смерть и страдания!

Но ты идешь и идешь вперед, и тебе уже не страшно, потому что совсем рядом с тобой вырастает «Цветок жизни», и на его лепестках светлые, знакомые тебе с детства слова: «Пусть всегда будет солнце!»

Фото Г. Сафонова

ЗВАСТВЧИТЕ ВРАГИЕ АЛОЧКА И КИРАЧКА
 КАК ВЫ ПОЖИВАЕТЕ ЧЕВО ВЫ
 ВЕЛАЕТЕ? Я ХОЖУ С МАМОИ
 НА РАБОТУ ПОТАТО
 БОЮСЬ СЕЗЕТЬ ДОМА
 ОДНА Т.К НАУ ГОРОДОМ
 ЛЕТАЮТ САМОЛЁТЫ И
 БРОСАЮТ БОМБЫ. И
 ЧТО ОЧЕНЬ СТРАШНО, У НАС В
 ЛЕНИНГРАДЕ НЕТ НИ ЯБЛОК
 НИ ЯГОЗ И Я ЗАБЫЛА ВАЖЫ
 КАК ОНИ ПАХНУТ
 ВОСВЕДОНИЕ ПИШИТЕ КАК
 ВЫ ЖИВЁТЕ ПРИВЕТ ТЁТЕ
 ИРЫ. НАУМОВА ЛЮСЯ
 27 СЕНЬТЕ (1941) ГОДА

Осень,
 Яблоки спелели,
 Груши,
 Виноград,
 Абрикосы, сливы,
 Вкусные, красивые!
 Это было до войны,
 Это было раньше...

Где же груши?
 Где же сливы?
 Где же спелый

виноград?

Все разрушил,
 Все сгубил
 Изверг,
 Злобный враг!
 Но тебя мы разобьем,
 Все за родину пойдём,
 Расцветут опять
 Яблони и груши,

Сливы, абрикосы,
 Скоро, скоро наступит
 Хорошая пора...

Блокада прорвана!
 Блокада прорвана!

Нам радио сказало.
 Мы ведь спали,
 Не слышали,

Ночью всех нас

разбудили,

Прыгали,
 Плясали!

Хоть и ночь,
 А нам не спится,
 Папу с фронта ждем,
 Спать не будем,
 Слушать будем
 И смеяться.

Лора, 7 лет

Раз немецкий самолет
 Полетел бомбить завод,
 Но в завод он не попал,
 Только изгородь сломал.

Илюша Фоянков, 7 лет

ДЕТИ БЛОКАДЫ

Да, непросто представить себе сейчас, как жили ребята в Ленинграде во время фашистской блокады. Как жили они в городе, который 900 дней находился в осаде и все эти 900 дней непрерывно боролся с врагом. В городе, который выстоял без света, без тепла, почти без хлеба.

Многих ребят из города успели эвакуировать. Но немало их и осталось. Время было страшное. Люди погибали от бомб и снарядов, от голода и холода.

Специальные бригады разыскивали в промерзших и вымерших квартирах чуть живых детей, забирали их в детские сады или детские дома. Иной раз негде было даже узнать, как зовут малыша. Тогда в детском саду ему давали новое имя и фамилию. Попасты в то время в детский сад означало — остаться в живых.

Рядом с детьми были взрослые, воспитатели детских садов. Эти мужественные люди оберегали ребят, уводили их в убежища во время бомбежек и обстрелов. Они сами ломали на дрова деревянные дома. Сами ладили печивремянки. Сами тушили пожары. И все время занимались с детьми — рисовали, играли, пели, стараясь отвлечь их от ужасов войны и блокады. Некоторые воспитатели даже ухитрялись вести дневники, записывали в них все, что говорили и сочиняли в те дни дети.

Интересна судьба рисунков. Их собрала и сохранила в самое тяжелое время Елизавета Леонидовна Щукина. Она работала тогда методистом по дошкольному воспитанию. Елизавета Леонидовна ходила из одного детского сада в другой, отбирала наиболее интересные рисунки. «Если со мной что-нибудь случится, — говорила она товарищам по работе, — помни те: рисунки надо хранить как зеницу ока. Это — история».

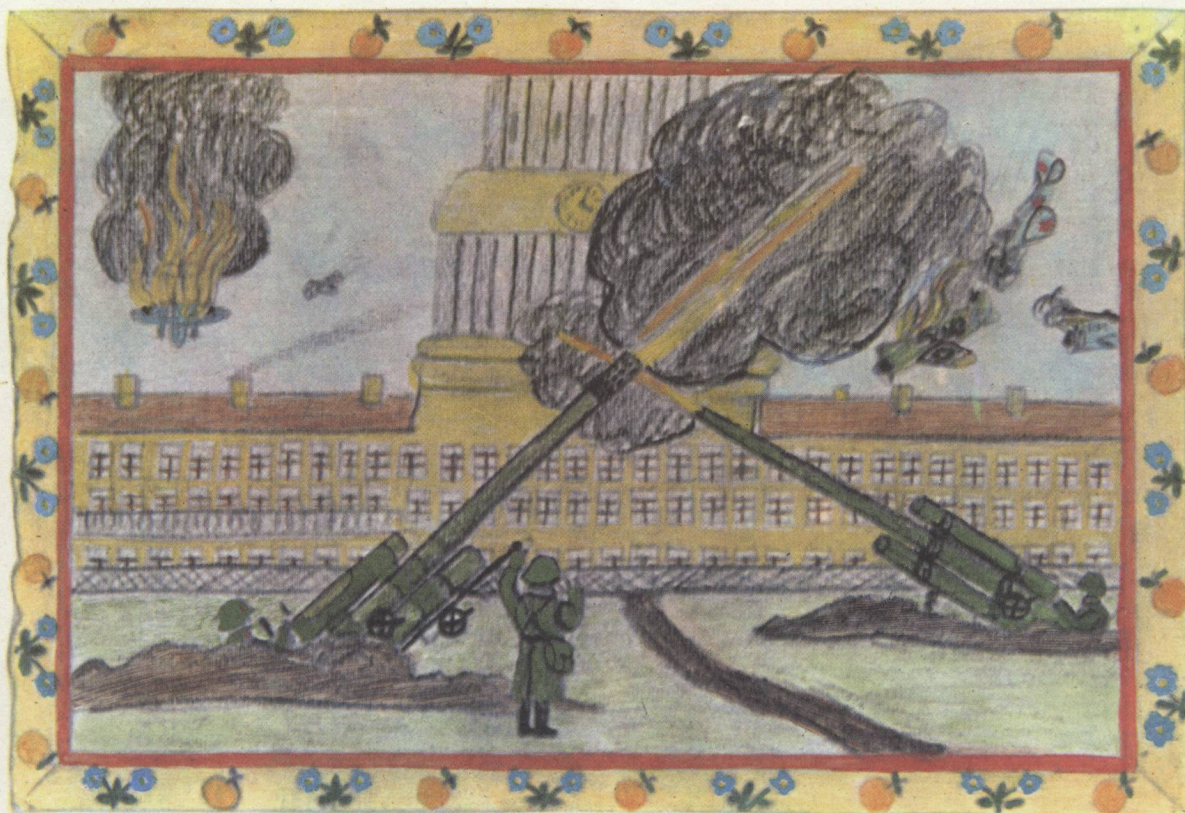
В этом году в Ленинграде к 25-летию освобождения города от фашистской блокады выходит альбом детских рисунков из собрания Е. Л. Щукиной. Называется он: «Рисуют дети блокады».

А. Крестинский

СНЯЛИ БЛОКАДУ

Витя Леонов

ЗЕНИТКИ ОКОЛО АДМИРАЛТЕЙСТВА

Вова Лях, 9 лет.

НЕВЕРОЯТНО НАСЫЩЕННАЯ ЖИЗНЬ

ПОВЕСТЬ

Глава I

СИНЯКИ И ШИШКИ

Вадим Фролов

Рисунки И. Харкевича

В соседнем дворе живет Венька Жук. То есть настоящая его фамилия не Жук, а Балашов, а Жуком его зовут, потому что он маленький, черный и очень шустрый, настырный, как говорит наша дворничиха Светлана. Венька учится в нашем классе, а вернее сказать, не учится, а так себе — проводит время. И дневничок у него прямо загляденье — весь вдоль и поперек исписан разными чернилами — замечание на замечании, а о двойках я уже и не говорю. В общем, типичный «трудный». В классе он ни с кем не дружит, а во дворе у него есть дружки-приятели: один тощий и длинный с причесочкой, как у этих английских парней-музыкантов, «битлов», что ли, и зовут его как-то странно — Фуфло, а другой — хорошенький такой, светленький мальчик с зелеными глазами, и на вид совсем тихоня, а на самом деле чуть не самый главный у них заводила. И прозвище у него почему-то — Хлястик.

И вот как-то в самом конце августа иду я себе потихоньку домой и вижу, как в соседней подворотне эта троечка лупит одного мальчишку. Я его знаю. Нет, вернее, я с ним и не знакома даже, а просто он последнее время стал что-то очень часто попадаться мне на пути. Почти каждый день. И поглядывает на меня, а я, конечно, делаю вид, что и не замечаю его вовсе. Один раз он даже попробовал со мной познакомиться. Я шла из магазина и в уме подсчитывала, могу ли я купить себе с оставшейся сдачи мороженое — как-то я забыла в этот раз спросить разрешение у бабушки и вот думала: рассердится она или нет. Я остановилась у тележки с мороженым и стояла там немножко задумчиво и не сразу заметила этого мальчишку, а он стоял рядом и спокойненько ел эскимо. Ну, если бы он только ел эскимо, это бы еще ничего, а он ел и пялил на меня глаза, и вроде даже улыбался. А глаза у него были какие-то синие-синие. Нахальные. Весь он белобрысый,

на носу веснушки, а нос курносый. Невысокий, но такой спортивный мальчишка. Ест себе эскимо и пялит на меня глаза. Я, конечно, очень сердито и очень гордо подняла голову и хотела уже идти дальше — ну его, это мороженое, а он вдруг засмеялся, подмигнул мне и спросил:

— Хочешь мороженого? — и полез в карман, наверно, за деньгами.

— Вот еще новости, — гордо сказала я и опять хотела идти, но почему-то не пошла.

— По глазам вижу — хочешь, — сказал он и опять засмеялся.

— У вас, сэр, весьма вульгарный способ заводить знакомство с девочками. Я этого не люблю, — еще гордее... нет, горже... нет, ага, вот так — еще более гордо сказала я и пошла. Весьма здорово я поставила его на свое место. И он весь как-то понурился и грустно опустил свои синие-синие глаза... Чепуха! Никуда он их не опускал, а снова засмеялся и сказал мне вдогонку:

— Вот чудачка: мороженое-то мировое, и вообще я знаю, как тебя зовут. Маша. Вот.

Тогда я нарочно вернулась к тележке, купила себе самый большой брикет за двадцать восемь копеек и, не глядя на белобрысого, ушла. А он только крикнул мне вслед:

— Ишь какая строгая!

Да, строгая. И правильно. Женщина должна беречь свою честь. Об этом мне часто говорила бабушка и иногда папа. А от бабушки мне за мороженое здорово попало. Не потому, что она пожалела сдачу, а потому, что я не спросила. И я ужасно разозлилась на этого мальчишку.

Так вот, иду я домой, а в подворотне Венька Жук, Фуфло и Хлястик лупят этого мальчишку изо всех сил. А он молчит и только отбивается, и из носу у него капает кровь. Но сопротивляется он отчаянно — у Фуфлы, например, уже огромная дуля под глазом.

Я хотела пройти мимо — ну и пусть этому белобрисому попадет как следует за мороженое, но потом остановилась. Ведь это все-таки ужасно несправедливо — трое на одного. Я положила авоську с яблоками на тумбу у ворот и ринулась под арку.

— Венька Балашов! — сердито сказала я. — Ты что это делаешь?! Это благородно — трое на одного? Да? А ну! — и я дернула Веньку за шиворот так, что он отлетел в сто-

рону. Он так удивился, что даже не двинулся с места и только открыл рот. А Фуфло злобным видом подошел ко мне, взял меня за плечо своими клещами и прошипел:

— А ну, отвали, не то кэ-эк дэ-эм!

— Ах ты Фуфло несчастное! — сказала я и дала ему здоровую затрешину. Тогда Фуфло двинул меня кулаком в глаз, и глаз у меня сразу заплыл, наверно, не хуже, чем у него самого. Венька заорал на него:

— Эй, ты! Ты ее не трогай! Она у нас учится.

— Подумаешь, — сказал Фуфло.

А белобрысый подошел к нему и тоже влезил хо-о-ро-шую затрещину.

— Девчонок бить? Да? — сказал он.

А Хлястик, как только начались все эти дела, куда-то испарился. Фуфло было опять полез в драку, но Венька сказал ему что-то на ухо, и он отстал. А тот мальчишка вдруг выскочил из подворотни, посмотрел направо, потом налево и вдруг припустил по улице.

«Ну и ну, — подумал я, — стоило еще за него заступаться». Глаз распух и здорово болел, и я приложила к нему платок. Венька достал из кармана пятак и протянул мне.

— На, приложи, — сказал он, — синяка не будет.

Я поддала ему по руке, и пятак выскочил и куда-то покатился. Фуфло бросился его искать, а Венька сказал:

— Ну и дура, — и пошел во двор.

Я вышла на улицу, но авоськи с яблоками на тумбе уже не было. Веселенькая история! Послезавтра в школе собрание, а у меня под глазом фонарь — ничего себе отличница и член совета дружины. И яблок нет, и дома будет — ой-ой-ой... И все из-за этого белобрысого. Ой-ой-ой! А ему хоть бы что — взял и удрал как миленький. Очень мне было грустно и обидно. Эх! Прошли времена мушкетеров, запросто можно получить синяк под глазом.

...И как назло дома все были в сборе. И бабушка, и папа, и мама, и даже мой братец Витька. То его никогда дома не бывает, а тут нате вам, пожалуйте! Он еще только перешел в четвертый, но уже страшная язва.

— Эге, — сказал он, — что-то здорово у нас в квартире светло стало.

Он, конечно, сразу заметил мое украшение. Всё, что не надо, замечает...

— Боже! — сказала мама. — Что это? Витя, принеси мне капли Зеленина — они на тумбочке в спальне. — И она села в кресло и прикрыла глаза рукой.

— Ха-ха-ха! — сказала бабушка. — Вот это вполне современная девица. Впрочем, я в детстве тоже дралась. А где яблоки? Оля, не волнуйся — я сейчас сделаю ей примочку. Ха-ха-ха! Какой потрясающий эффект это произведет в школе! Надеюсь, ты дала сдачи?

— Так! — сказал папа. — Я начинаю сомневаться в том, что именно труд сделал обезьяну человеком.

Я стояла, отвернувшись к окну, чтобы они не очень смотрели на мой фонарь, а мне в стекло он был виден — ничего себе... Я ста-

ралась быть спокойной — что уж тут при таких обстоятельствах волноваться, и поэтому, когда папа начал говорить про труд и обезьяну, я довольно спокойно думала, при чем тут это? И спокойно спросила:

— Почему?

— Ты спрашиваешь, почему? — тоже очень спокойно сказал папа. — Ну что ж, я тебе отвечаю очень обстоятельно.

Я подумала, что папа, чем он становится старше, тем он делается все больше и больше обстоятельным. Он начинает объяснять вещи, которые мне уже давным-давно понятны. Притом объясняет их очень долго и обязательно цитирует.

— Я не люблю приводить цитаты, — говорит он, — но тут я не могу удержаться...

И дальше пошло, поехало — минут на сорок.

Вот и тут: стоило мне сказать это проклятое «почему», он моментально начал лекцию:

Он сказал:

— Потому, что у меня перед глазами изумительный пример, — он ткнул пальцем сперва в меня, потом в Витьку, который принес маме капли и стоял, ухмыляясь. — Я вас с самого раннего детства приучил трудиться. И вообще, и я, и мама, и бабушка учим вас только хорошему, а вы все-таки растете обезьянами.

— Я-то тут при чем? — пробурчал Витька. — У меня, что ли, фонарь под глазом и яблоки пропали?

— А вы, милостивый государь, помолчите, — сердито сказал папа. — Вы-то уж абсолютно типичный представитель семейства макаковых. И у вас нос в пуху, пожалуй, не меньше, чем у вашей очаровательной сестрицы.

— А зачем оскорблять-то? — заныл Витька. — Макаковый...

— Нет, я, кажется, плюну на всю педагогику и однажды выдеру тебя за твое нахальство. Он еще обижается!

— Гриша, ну что ты говоришь, — просто-на-ла мама, — как можно...

— Очень даже можно, — сказала бабушка, — нас в детстве драли. И ничего. Выросли вполне интеллигентными людьми.

— Боже мой, — опять застонала мама, — ну нельзя же так...

— Я и говорю: можно, но не нужно, — сказала бабушка, — профессор Преперченко, с которым я работала на курорте в Одессе в одна тысяча девятьсот одиннадцатом, нет, кажется, в одна тысяча девятьсот девятом, а впрочем, в десятом... так вот, профессор считал, что от синяков очень хорошо помогает какое-то средство, я забыла, как оно называется.

— Я не люблю цитировать, — продолжает папа, — но сейчас я просто не могу удержаться. — И он идет к стеллажу и достает том Чехова, а я думаю, как же я пойду в школу с таким взглядом, и надеюсь, что бабушка вспомнит рецепт профессора от синяков. Но бабушка, как только услышала, что папа собирается читать Чехова, удобно усаживается в кресло напротив мамы. Она очень любит слушать, как папа цитирует. «Это обогащает», — говорит она в таких случаях.

Но читать Чехова папе так и не удается: в передней раздается звонок.

— Открой, — говорит папа Витьке и продолжает искать нужную страницу. Витька идет в

переднюю, оттуда слышен чей-то вроде бы знакомый голос, а потом входит Витька с ужасно вредной улыбочкой и говорит мне:

— Там к тебе... хахаль пришел.

— Ха-ха-ха, — смеется бабушка, — ужасно современный ребенок. Ха-ха-ха! Как это? Хяхаль?!

— Боже, — говорит мама, — только этого не хватало...

Я делаю свирепый вид и показываю Витьке потихоньку кулак, а сама думаю, кто же это, неужели... Г. А.? Вот уж вовремя! И хочу вежливо в переднюю, но папа таким ужасно победительным жестом останавливает меня, твердыми шагами идет в переднюю, и оттуда доносится его вежливый, но совершенно ледяной голос:

— Прошу вас, входите.

И в комнату заходит... тот самый, белобрысый. Нос у него распух, но он улыбается во весь рот и в руках у него... моя авоська с яблоками.

— Здравствуйте, — говорит он, — меня Сеней зовут.

Очень нужно знать, как его зовут! А он заметил меня и подмигивает. Я даже задохнулась от возмущения, а он как ни в чем не бывало говорит:

— Вот твои яблоки, — и кладет авоську на стул.

— Так, — говорит папа, — а позвольте спросить, молодой человек, откуда у вас оказались яблоки моей дочери?

— Нашел, — смеется мальчишка и опять подмигивает мне.

— А у него нос распух, — говорит Витька.

Папа внимательно смотрит на нос белобрысого, потом медленно переводит взгляд на мой заплывший глаз. И мама тоже. И бабушка. А Витька скромненько ковыряет в своем носу, и я готова его убить.

— Я, кажется, вспомнила рецепт примочки для глаз, — говорит бабушка, — думаю, она поможет и носу.

— Обойдется, — говорит мальчишка, — вы не беспокойтесь, у меня и почище бывало. А вот ей, — он кивает в мою сторону, — ей бодяга поможет. Мне сейчас некогда, а вы, — он смотрит на папу, — пошлите кого-нибудь в аптеку. Вот его хотя бы, — он показывает на Витьку. — А то как она в школу-то пойдет?

Витька от неожиданности вынул палец из носа, разинул рот. Папа как-то странно крякнул и посмотрел на маму. Мама только развела руками.

— Ну, я пошел, — улыбаясь говорит белобрысый. — До свиданья.

— Спасибо, — растерянно говорит папа, — заходите.

— Спасибо, — говорят белобрысый, — на той неделе забегу.

В дверях он поворачивается и говорит мне: — Маш, ты приходи часов в семь в садик на Некрасова. Дело есть.

— У-у-у-у... — говорю я.

Слышно, как хлопнула входная дверь. Мама встала с кресла и подошла к папе.

— Что это, Гриша? — слабым голосом спросила она.

— Ты не волнуйся, Оля, — ласково говорит папа, — я разберусь. Иди лежи, отдохни, — и он легонечко выпроваживает маму.

Папа поворачивается к Витьке.

— И вас, милостивый государь, попрошу, — он указывает на дверь.

— Вот, всегда выгоняют, — заныл Витька.

— Марш отсюда! — кричит папа и даже топает ногой. — Ты сегодня вел себя как не подобает вести себя мужчине. Нет! Скорее ты вел себя, как... как... старая сплетница и еще, еще, как... мелководный провокатор. Вон!

— Ну уж, сплетница, ну уж, про... провокатор, — ноет, скрываясь, Витька.

— Марш! — кричит папа и громко захлопывает перед Витькиным носом дверь. Некоторое время он ходит по комнате. Потом останавливается посередине и что-то уж очень спокойно говорит:

— Садись, Мария.

Ну! Добра теперь не жди — когда папа называет Витьку милостивым государем, а меня полностью — Мария, значит, он здорово сердится. А когда он здорово сердится, он может принять самое неожиданное решение, например, три месяца не пускать меня в кино или прийти в школу и попросить, чтобы ко всем моим общественным нагрузкам прибавили еще парочку. И прибавляют. В школе почему-то очень уважают моего папу.

— Итак, Мария, объясни, пожалуйста, что, собственно, все это означает? — говорит папа, когда я нехотя усаживаюсь на краешке стула. — Кто этот загадочный Семен?

— Да откуда я знаю, — говорю я чуть не плача.

— Так. Интересно. Я бы сказал, даже очень интересно. Он называет тебя по имени, он приносит тебе яблоки с распухшим носом...

Я не сдержалась и рассмеялась, потому что вдруг себе представила яблоки с распухшими носами. Папа сердито посмотрел на меня.

— Он с распухшим носом приносит тебе твои яблоки, — продолжает папа, — и, наконец, он назначает тебе свидание в семь часов вечера под часами...

— В садике, — неожиданно для себя говорю я, — на Некрасова...

— В садике, — соглашается папа. — Так вот. И ты утверждаешь, что совсем, то есть абсолютно незнакома с этим... молодым человеком, а между тем у тебя под глазом синяк... а у него распух нос.

— Почему абсолютно, почему абсолютно? — бормочу я, — я его знаю... то есть не знаю... ну, в общем, знаю... и не знаю...

— Мистика! — говорит папа и машет пальцем перед моим носом, — финтишь, Мария. Мария, не финти!

— Да я не финтю, я...

— Надо говорить — финчу.

— Ну, финчу.

— Ага, значит, финтишь.

— Да не финтю, — уже кричу я, — я сказала, что я не финтю, а финчу...

— Я и говорю — финтишь.

— Папа, — я стараюсь говорить спокойно, — папа, это ты мне сказал, что надо говорить — фин...чу, ну, вот я и...

— Словом, ты и тут фин... — но в этот день неожиданности сыпались, как из какого-то мешка. Не успел папа договорить — послышались три веселых звонка в передней. И я сразу выскочила открыть. В дверях стояла наша дворничиха Светлана — такая хорошенькая татарочка, а за ней какой-то огромный военный с погонами полковника.

— Папа дома, Машенька? — запела Светлана. — Вот этот товарищ, — она сделала глазки в сторону военного, — его разыскивает.

— Папа, — крикнула я, ужасно радуясь, что получила отсрочку, и удивляясь, кто бы это мог быть — у нас знакомых военных вроде бы и нет, вообще папа и по службе никакого отношения к военным не имеет — он преподает литературу в педагогическом институте.

— Папа! К тебе.

Папа вышел в переднюю и зажег свет.

— Кто там? — сердито спросил он. Увидел Светлану и улыбнулся. Между прочим, я еще давно заметила — он всегда ей улыбается.

— А, Светланочка, — ласково сказал он, — чем могу служить?

— Григорий Александрович, — опять запела Светлана, — вот товарищ военный разыскивает, ой как интересно, по всему Ленинграду одного своего товарища, он его, понимаете, с самой войны не видел. Зовут его Гриша Басов. Вот я и подумала, что, может...

— Я Басов, — сказал папа, и я увидела, что он волнуется. — Проходите, пожалуйста.

Полковник шагнул в переднюю. А дальше, дальше случилось такое, что я, наверное, до

самой смерти не забуду и, как вспомню, мне реветь хочется.

Военный вошел в переднюю и устался на папу, а папа устался на него. Он был намного старше папы — голова у него была совсем седая и под глазами много мелких морщин, но он был красивый, настоящий офицер — это я сразу заметила. Они долго молча смотрели друг на друга, а у Светланы голова

завертелась из стороны в сторону — то на папу, то на полковника. И я тоже пялила на них глаза и тоже почему-то волновалась так, что сердце чуть не выпрыгивало.

Потом полковник снял фуражку, достал платок и вытер пот со лба. И тихо засмеялся. Он посмотрел на Светлану и сказал:

— Он, понимаешь. Он. Гришка Гвоздик.

Тогда папа снял очки, руки у него дрожали.

— Дядя Вася, — тихо сказал он, — Василий Андренч, комбат, товарищ комбат...

А полковник стоял и улыбался. А папа вдруг подошел к Светлане и поцеловал ее в щеку, потом подошел ко мне и меня тоже поцеловал в щеку, а потом убежал в комнату. Мы слышали, как папа кричал что-то в комнатах, а потом появился, подталкивая испуганную маму. За ними выплыла бабушка, а за ней протиснулся в переднюю Витька.

— Вот, дорогие мои, — торжественно сказал папа, — это тот самый человек, который... которому... которого, — папа махнул рукой, — словом, это тот самый человек, — папа снял очки и начал их быстро-быстро протирать, — он меня нашел, а я его нет, но он меня нашел, и я просто не знаю, что сказать. Так это прекрасно. Вот.

— Григорий, — сказала бабушка в нос, — ваше волнение очень трогательно, но, может быть, вы нам скажете все же...

— А разве я не сказал? — удивился папа. — Это командир батареи товарищ старший лейтенант Василий Андреевич Волжанин. Это... мой комбат.

— Боже мой, — сказала мама, — Витя, принеси мне капли Зеленина.

— Не пойду, — сказал Витька, — мне тоже интересно.

Бабушка величественно выдвинулась вперед.

— Это как в романе, — сказала она опять почему-то в нос и улыбнулась самой любезной улыбкой, — вы читали роман, не помню уж чей, «Бомбы падают вниз»? Вот там довольно похожая ситуация.

Папа сердито посмотрел на нее, а мама дернула за рукав.

— Не понимаю... — начала бабушка.

— Ой, — спохватилась мама, — а что же это мы здесь стоим?

— Да, в самом деле, — сказал папа.

— Просим, просим, — сказала бабушка.

— Проходите, проходите, — сказала мама.

— Прошу, прошу, — сказал папа.

И все они начали толкаться в дверь, стараясь пропустить вперед Василия Андреевича и только мешая ему и друг другу. Наконец, кое-как все протиснулись в комнату и принялись усаживать гостя, выбирая ему лучшее место.

— Ну-с, — сказала бабушка, — рассказывайте, рассказывайте, — и она устроилась поудобнее в своем любимом кресле. Ужас как она любит всякие рассказы.

В дверь заглянула Светлана, и папа крикнул:

— Светланочка, заходите, заходите!

— Ну, что вы, — сказала она, — мне неудобно. У вас тут все свои. Я лучше в другой раз. — И прошла в комнату и тоже села на краешек дивана.

Я села к столу и, вспомнив про свое украшение, повернулась ко всем в профиль, чтобы синяк не был виден. Сидеть так было не очень удобно, приходилось косить, чтобы видеть гостя. В суматохе мы и не заметили, как уселись сами, а полковник остался стоять посредине комнаты, все так же посмеиваясь.

— Расселись! — мрачно сказал Витька, встал со стула и пододвинул его гостю.

Василий Андреевич засмеялся и сел. Тогда все ужасно сконфузились и вскочили со своих мест. «Да, да, что же мы, садитесь, садитесь, ах, ах, как же это мы, садитесь, садитесь!» — закричали все, а гость замахал обеими руками, и тогда опять все уселись на свои места и начали вздыхать и улыбаться, а потом вдруг, переглянувшись, стали смеяться и хохотали долго — у бабушки даже слезы на глазах выступили, а Василий Андреевич стал вытирать платком лоб. А когда, наконец, все успокоились, он встал и сказал чуть хриловато — наверно, все еще волновался:

— А ведь мы с тобой еще и не поздоровались, Гриша.

Папа вскочил, уронив стул, и бросился к нему, и они поцеловались три раза, обнимаясь крестнакрест. А все мы смотрели и ужасно радовались. «Вот так встречаются старые боевые друзья», — думала я с гордостью. Мы очень много слышали от папы о Василии Андреевиче. Папа говорил о нем как о самом лучшем, самом добром, самом смелом, самом сильном

человеке, которого он когда-либо встречал в жизни, но говорил всегда с грустью, так как считал, что его комбат погиб. И вот оказывается, он вовсе не погиб, а жив, и даже разыскал папу. Старый комбат разыскал своего верного ординарца, и вот они сидят друг против друга и вспоминают минувшие дни и битвы, где прежде рубились они. Потом папа спохватился.

— Василий Андреевич, дядя Вася, — он повел рукой, показывая на всех нас, — это моя семья.

— Очень, очень приятно, — сказал дядя Вася.

— Моя жена Оля, — гордо сказал папа.

Мама встала и почему-то ужасно покраснела. Василий Андреевич внимательно посмотрел на нее и подошел к ней.

— Хорошая жена, — сказал он серьезно, и мама раскраснелась еще больше. — Не возражаешь? — спросил он у папы, и они с мамой тоже три раза поцеловались. И мама стала похожа на девочку.

— Моя теща Антонина Петровна, — сказал папа и поклонился в сторону бабушки.

— Фи, — сказала бабушка, — ужасное слово «те-ща». Я Олечкина мама. — И, не вставая с кресла, она протянула дяде Васе руку, как важная дама, для поцелуя.

— Хорошая тё... мама, — сказал дядя Вася и подошел к бабушке. Он поцеловал ей руку, а потом, улыбаясь, сказал: — Но этого мне мало, — и наклонился к бабушке.

— Ах, — сказала бабушка и расцвела, как маков цвет, — Витенька, поддержи очки. — И они тоже три раза поцеловались.

— Это мой сын, Виктор, — сказал папа.

Витька сам подошел к полковнику и сунул ему руку. Вид у него был такой, точно он проглотил аршин, и на носу выступили капельки пота.

— Отличный парень, — сказал дядя Вася и пожал Витьке руку, как мужчина мужчине. И Витька даже засопел от гордости и надулся, как индюк.

А я сидела и волновалась и боялась, как бы гость не заметил мой синяк, и думала, как же я к нему подойду, чтобы он не заметил, а еще думала, что хорошо, если он и меня поцелует... три раза...

— Это моя дочь, — сказал папа, — Маша.

Я сползла с подоконника и боком подошла к дяде Васе и так, боком, остановилась около него.

— Отличная дочка, — сказал дядя Вася, — а чего ты на меня смотреть не хочешь?

— Стесняется, — сказал Витька противным голосом.

— Ну, раз стесняется... — сказал полковник и потрепал меня по волосам, а я пулей вылетела из комнаты и дала себе клятву уничтожить Веньку Жука и всю его Фуфлиную компанию, а заодно и Витьку, и этого бедобрысого Семена...

Я стояла в передней и слышала, как там в комнате все громко смеялись и говорили одновременно, так, что отдельных слов разобрать было невозможно. Я прислушивалась — не говорят ли что-нибудь обо мне, но моего имени не упоминалось, и, с одной стороны, я была рада, а с другой — мне почему-то было обидно — вот, ушла — и все сразу обо мне забыли. Им там весело, а я стой тут со своим синяком и никто обо мне даже и не вспомнит. Ну и ладно — обойдусь. Вот пойду в семь часов в садик на Некрасова — интересно, что вы тогда скажете?

Только я это подумала, как в переднюю вошла Светлана — такая довольная и веселая, что можно подумать, что это именно ее разыскивал полковник, а не нас. Впрочем, он не нас и разыскивал, он даже и не знал, есть ли мы или нет. Он разыскивал папу, своего однополчанина, а не нас.

— Ой, как хорошо-то, ведь это надо же, — сказала Светлана. — А ты чего здесь стоишь? Там так весело, так хорошо, просто ужас. Ой, что это с тобой? Кто это тебя так? Наверно, Венька из двадцать седьмого? Вот такой-сякой! Ну, я ему! А ты примочки делай — я тебе скажу какие... — она разохалась, разохалась и начала меня жалеть и успокаивать, а мне от этого еще тошнее делалось. Дались им эти примочки! А если не помогут тут примочки? Как я в школу пойду, как я встречу с Г. А.? Хороша умница-разумница, красавица-раскрасавица! И как я в комнату войду к нашим?

Светлана еще немножечко поохала и убежала. Я тоже хотела уйти, но не уходила — надеялась, что все-таки кто-нибудь вспомнит обо мне и выйдет и позовет. И вышел... Витька. Он хотел что-то сказать, но не успел — я схватила папину сандалию и треснула ему по лбу: пропадать, так пропадать.

— Ты чего? Ты чего? — заорал Витька. — Второй фонарь хочешь?

Я замахнулась на него второй раз, и он скрылся, держась рукой за лоб. И тут в переднюю вышла бабушка. Она посмотрела на меня, подошла и обняла за плечи.

— Со мной был подобный случай в одна тысяча девятьсот... ну, да это неважно. Но я не очень расстраивалась. Молодость. Ах, молодость, — сказала она и вздохнула. — Где ты, моя молодость?! Вот тебе три рубля. Пойди,

пожалуйста, в кондитерскую и купи торт. Тебе надо проветриться. На сдачу — зайди в аптеку и купи эту, как ее, бодягу, и тогда мы сделаем примочку, и все будет в порядке. — Она поцеловала меня в лоб и подтолкнула к двери.

Я спускалась по лестнице и думала, что все-таки бабка у меня отличная. Забавная, но все, все понимает, и хоть и сердится на меня иногда, а в трудную минуту всегда выручит и поможет.

Я уже спустилась в парадную и услышала бабушкин голос.

— Машенька, — кричала она, — не забудь, скоро семь часов! Домой ты можешь прийти в восемь.

— Ладно! — крикнула я и только уже на улице сообразила, что она имела в виду. Ну и бабка! Как бы не так — и не дождетесь — ни в какой садик на Некрасовой я не пойду. Не на такую напали. Сама же мне говорила о женской гордости...

На углу в гастрономе я купила хороший торт, и у меня осталась сдача. Раздумывая, в какую аптеку поближе, я остановилась на углу. И как раз напротив оказался этот садик на Некрасовой, а часы около бани показывали без трех минут семь. Как же я попала именно в этот гастроном — ведь есть другой, гораздо ближе. Это просто что-то таинственное. Вроде как ее... телепатии — я толком не знаю, что это такое, но, кажется, передача мыслей на расстоянии. Я украдкой глянула в садик. Ну, так и есть: ходит теле... патик несчастный и поглядывает на часы над баней. Нет! Этому не бывать, — сказала я себе и направилась в обратную сторону. Правда, ноги у меня стали какие-то деревянные и передвигались еле-еле, и мне почему-то ужасно хотелось обернуться — наверно, это тот несчастный белобрысый телепатик на меня действовал. Но я оказалась сильнее и не оглядываясь дошла до аптеки — пусть походит там часик. Ишь, вообразил!

В аптеку мне лучше было бы и не ходить. Когда я спросила будяк, все стали надо мной смеяться и поправлять — не будяк, ха-ха-ха, а бодяга, ха-ха-ха, вот так синяк, ха-ха-ха, тут вряд ли бодяга, ха-ха-ха, поможет, хи-хи-хи.

Я вышла из аптеки с проклятой бодягой в одной руке и с тортом в другой, как — бац! — мне навстречу идет собственной персоной Г. А.

— Мэри! — говорит он радостно. — Чао, Мэри! Очень рад тебя видеть. Ты давно приехала? А я как раз сегодня хотел тебя навесить.

Он смотрит на меня во все глаза, и я вижу,

что он действительно рад меня видеть, и готов провалиться сквозь землю.

— Здравствуй, Гера, — говорю я, криво улыбаясь, и наклоняю голову, чтобы хоть как-то спрятать свое украшение. — Я тоже очень рада тебя видеть. Но ты извини, я сейчас тороплюсь, ты позвони завтра.

— Я тебя провожу, — говорит Гера.

Я только вздыхаю — спорить с ним бесполезно: он человек железный, и как он сказал, так всегда и выходит.

Мы идем по улице, и я хочу идти слева от него, сами понимаете почему, но он не дает мне — он мне еще в пятом классе сказал, что слева всегда должен идти мужчина. Я мысленно машу рукой — будь что будет — и задираю голову. Он смотрит на мой чудный про-

филь (он еще в середине шестого класса сказал, что у меня классический профиль). Он смотрит на мой чудный классический профиль и говорит, что я, в общем-то, весьма неплохо выгляжу, даже поправилась. Я собираюсь было обидеться — и этот издевается, но, посмотрев на него, вижу, что он вовсе и не издевается, а когда он незаметно переходит на правую сторону от меня и берет у меня из рук торт, я чуть не всхлипываю от радости: вот ведь какой — сделал вид, что ничего не заметил. Настоящий парень. Нет! Не прошли времена мушкетеров, — думаю я, и мне сразу становится наплевать на свой синяк, и я иду рядом с Г. А., гордо задрав голову, размахивая пакетиком с этой бодрягой и рассказываю, как я провела лето, и кто к нам сегодня

приехал, и скорее бы в школу. И он рассказывает, как он ездил с отцом по Кавказу, и как они ходили по горам, и плавали по морю, и тоже говорит, что он соскучился по школе и по ребятам, но я-то знаю, кого он особенно имеет в виду, и мне очень хорошо. Я думаю, вот будет здорово, если мы сейчас встретим того белобрысого Семена. Пусть бы он посмотрел, с каким мальчиком я иду и беседую, — увяли бы сразу его веснушки. И вообще, рядом с Герой этот Семен просто замурышка. А Г. А. самый лучший мальчишка в классе — самый красивый, смелый, умный и вежливый — к девочкам относится не так, как некоторые. И еще я думаю, что хорошо бы, если бы навстречу попались тихоня Зоенька и воображала Юлька. Представляю, как у них бы вытянулись их хорошенькие мордашки. Вот так я иду и думаю, и поглядываю по сторонам, и почти не слышу, что говорит мне Гера, а навстречу, как назло, никто не попадает. Я сосредоточиваюсь и посылаю свои мысли на расстояние белобрысому Семену, но что-то ничего не получается, наверно, Г. А. меня отвлекает.

Мы подходим к нашему дому, и я говорю:

— Может, зайдешь, Гера — познакомишься с нашим гостем.

— Неудобно, — говорит Гера серьезно, — у вас сегодня вроде семейное торжество. Но, знаешь, мне пришла в голову мысль: пригласить бы этого полковника и твоего папу в школу. Они бы нам рассказали о боевом прошлом.

— Очень здорово! — радуюсь я. — Но только это надо обязательно тебе, а то я... как-то не солидно, — я смеюсь и показываю на свой синяк.

Гера ласково улыбается.

— Я не хотел тебя травмировать, — говорит он, — но раз уж ты сама... Как это случилось? Если не хочешь, конечно, не говори, но, может быть, я смогу помочь?

И я ему все-все рассказываю, и мне сразу становится легче. Правда, почему-то я не рассказала о том, как тот белобрысый приходил к нам, и про садик тоже не рассказала... Гера слушает меня очень внимательно и сочувственно покачивает головой.

— Ну, что ж, ты молодец, — говорит он, и я таю от радости, — но я считаю, что это дело так оставить нельзя. Надо принять меры. Этот Венька уже порядочно всем надоел — пора положить конец!

Он говорит это так решительно, а мне сейчас так хорошо, что мне становится жалко бедного Веньку и его компанию, и я говорю:

— Знаешь, Гера, ну их. Они ведь трусы, и

Фуфле тоже уже попало, а тому белобрысому, наверно, так и надо. Наверно, он сам к ним пристал.

— Ну, ладно, я подумаю, — говорит Г. А. Но говорит он это как-то так, что, боюсь, Веньке все-таки попадет — ведь Гера занимается в секции бокса.

— Ты только не очень его, Гера, — говорю я. Г. А. удивленно смотрит на меня, потом смеется.

— Нет, бить я его не буду, — говорит он, — не волнуйся.

На этом мы расстаемся, договорившись, что Гера завтра утром зайдет ко мне и мы будем приглашать полковника дядю Васю и папу в школу.

А в парадном меня встречает Венька Жук.

— Ну, ну! — говорю я, а сама думаю: ну и денек выдался сегодня.

— Нажаловалась, — мрачно говорит Венька, — красавчику этому.

— Ничего я не нажаловалась, — злюсь я, — просто рассказала своему... товарищу. Да ты не бойся — он тебе ничего не сделает.

— Его бояться? — удивляется Венька. — Красавчика этого?

— Какой он красавчик? — сердито говорю я. — Он просто настоящий мальчишка. Не то что некоторые...

— Красавчик, — убежденно говорит Венька, — ты еще подожди — наплачешься от этого... товарища. — Он сплевывает, а потом, помолчав, спрашивает: — Болит глаз?

Я не отвечаю, тогда он лезет в карман, достает какой-то сверточек, протягивает его мне и говорит:

— Вот, примочку сделай — бодряга.

Я начинаю хохотать как сумасшедшая. Венька обалдело смотрит на меня.

— Ты что? Чокнулась? — спрашивает он, а я, хохоча, поднимаюсь по лестнице, хохоча открываю дверь и вхожу в переднюю.

— Смеешься? — говорит Витька. — Смейся, смейся. Тебе еще за это попадет, — он тычет себя в лоб пальцем, а на лбу у него розовая шишка — здорово, оказывается, я его треснула папиным сандалием!

— Шишка! — говорю я, смеясь. — Ничего себе — хорошая шишечка. Теперь у нас совсем светло стало!

— Ты не задавайся, а то дядя Вася... — говорит Витька.

— Что дядя Вася?

— Он, знаешь, он, знаешь, он, знаешь, какой?!

— Я-то знаю, — говорю я и, оттолкнув Витьку, иду с тортом в комнату, откуда слышны смех и веселые голоса.

ЗАЧЕМ ПОЛКОВНИКУ САМОВАР?

А в самом деле — зачем полковнику самовар? Сейчас вроде из самоваров никто чай и не пьет — даже в деревне. Я очень удивилась, когда утром услышала, как Василий Андреевич сказал папе:

— Пойду-ка я сейчас по городу поброжу, вспомню старинушку, а заодно и самовар поищу.

Папа засмеялся и спросил:

— А зачем вам самовар?

Что ответил полковник, я не слышала. Я еще лежала в постели, а они шли из папиного кабинета, наверно, в кухню или в ванную. Ну, ладно, — подумала я, — самовар, так самовар, — и повернулась на другой бок поспать еще немного — вчера все засиделись очень поздно за столом, да, кроме того, я долго не могла заснуть — такие были интересные разговоры-воспоминания. Нас с Витькой даже и не гнали спать. Забыли. И про мой фонарь забыли. И примочку из этого будяка-бодяги тоже, конечно, не сделали. Я сама забыла — так было интересно.

Дело в том, что полковник — он тогда был еще лейтенантом — воевал на Ленинградском фронте. Сам он из Сибири, а воевал за наш город, и он его очень полюбил. Ему с фронта — а фронт тогда был совсем рядом, знаете, совсем недалеко от Кировского завода — довольно часто приходилось приезжать по делам в город. И вот однажды в темный и страшный зимний вечер лейтенант наткнулся на мальчишку, который вез на санках что-то длинное, завернутое в простыню. Мальчишка был грязный, худой-худой и совсем выбился из сил. Когда лейтенант его увидел, он сидел на ступеньке какого-то подъезда и плакал. Лейтенант помог ему довести санки в один двор, куда все свозили такие санки. На них, страшно сказать, лежали умершие от голода люди. И этот мальчишка тоже вез... свою маму...

И вот лейтенант помог отвезти мальчишке его маму в этот жуткий двор, где людей складывали, как дрова, а потом, если были машины, отвозили на кладбище. Узнав, что у мальчишки больше никого не осталось — отец его погиб на фронте, сестренка тоже умерла — он, лейтенант, уже больше не отпустил от себя мальчишку. Он его накормил тем, что у него было, а у самого-то было совсем немного, и забрал с собой на фронт. Ему, конечно, здорово попало от начальства, но мальчишку все-

таки оставили на артиллерийской батарее, которой командовал лейтенант, и мальчишка стал сыном полка. Это был мой папа — Гриша Басов, ему тогда было тринадцать лет, и больше они уже с лейтенантом не расставались почти до самого конца войны, когда во время боев уже совсем почти недалеко от Берлина комбата убили (так все считали тогда), а моего папу ранили.

Вот о чем они вчера вспоминали. И все это было очень тяжело слушать, но не слушать было нельзя. Надо было слушать. А потом они вспоминали разные боевые эпизоды — их было целая уйма, и много было смешного. Я смеялась со всеми, а про себя удивлялась: вот, они еще могли шутить, смеяться и даже разыгрывать друг друга. Я-то удивлялась, но все-таки думала, что, наверно, без этого нельзя. Если не шутить и не смеяться, так совсем жутко станет. Я по себе знаю, когда у меня случается что-нибудь ужасно плохое, такое, что даже жить иногда не хочется, посмеешься над чем-нибудь, а может, и над собой, и сразу становится легче. Папа тоже часто любит говорить, что чувство юмора — великая вещь, и его лично чувство юмора спасало в очень тяжелых случаях жизни. И, как всегда, он говорит, что не любит цитировать, а сам цитирует одного ленинградского писателя Андрея Битова. Я не очень понимаю эту цитату, но она мне почему-то нравится, и я ее даже переписала в свою тетрадку.

«Чувство правды и чувство юмора должны покидать человека последними. Пока они присутствуют, человек еще жив, что бы с ним ни случилось.

Первое помогает осознать себя реально в этом мире, а второе — отнестись к этому своему реальному положению оптимистически».

Я не совсем понимала, что такое «реально» и что такое «оптимистически», но папа мне объяснил. Реально — это значит, не как ты сам думаешь, а как есть на самом деле, а оптимистически — это значит, когда ты веришь, что все будет хорошо и правильно.

Мне это нравится, и я стараюсь развивать в себе и чувство правды и чувство юмора. У меня это, конечно, не всегда получается, но, как говорит Г. А., «главное — понимать, чего ты хочешь, и кто хочет, тот добьется». Вот я, кажется, тоже начинаю цитировать Г. А.! А что ж, если это правильно?

Вчера они немножко выпивали, а потом ели мой торт и все время вспоминали и кричали: «А помнишь? А помните?» И смеялись, а иногда становились грустными и молчали, вздыхая, и покачивали головами. И мы тоже смеялись и тоже молчали и вздыхали. Потом они опять начинали вспоминать, и мы все слушали, и даже бабушка не пыталась вспоминать случаи из своей жизни, а их у нее вагон и маленькая тележка по всякому поводу и без повода. Она только иногда говорила: «А вот, помню...», но, как только все начинали на нее смотреть, она махала рукой — нет, мол, что вы, что вы, я в другой раз.

А мама сидела молча, иногда доставала платочек и, отворачиваясь, вытирала потихоньку глаза, а когда полковник рассказывал что-нибудь героическое про папу, она гордо посматривала на нас — смотрите, какой у нас папа был молодец. И вот что интересно — кое-что из того, что они вспоминали, я уже знала раньше, но как-то относилась к этому довольно спокойно. «Так ведь это когда было, и потом, ведь очень многие воевали — не один мой папа, да и как он там очень уж воевал, ведь он был совсем мальчишкой», — так я примерно думала. А вот сейчас, когда услышала от другого человека, увидела этого другого человека и сразу поняла, что это очень хороший человек, я стала смотреть на папу совсем по-другому, и мне даже стало стыдно, что я в душе над ним иногда посмеивалась. И потом я еще думала, что папа гордый и скромный — он ведь почти не рассказывал о себе. О других и о Василии Андреевиче любил рассказывать, особенно в День Советской Армии, а о себе не любил. А оказывается, он тоже кое-что сделал, и хоть у него всего только медали, и то только одна «За отвагу», остальные все или «За оборону» или «За взятие», а все-таки он здорово воевал. Ему было очень трудно — ведь он был совсем мальчишкой, но он воевал, как многие взрослые, и даже лучше некоторых. И не только ему спасали жизнь, но и он один раз спас жизнь своему комбату.

Вот о чем они говорили вчера.

...Но зачем же все-таки полковнику самовар? — подумала я и повернулась на другой бок. Но поспать мне не удалось — в комнату зашел папа.

— Вставай, соня, — сказал папа и пощекотал меня за ухом. — Витьку не будем будить, пусть поспит — он вчера совсем замучился. Бабушка тоже устала и, по-моему, переволновалась. Пусть спит. Мне надо часа на три съездить в институт, а мама уже ушла на работу. А вы с полковником быстренько позавтракайте и идите погулять. Он просит тебя

показать ему город. Ясна установка? — спросил он голосом полковника.

— Ясна! — заорала я шепотом.

— И совсем я не замучился, — хриплым голосом сказал вдруг Витька, — а Ленинград я лучше ее знаю. И потом, как она с таким фонарем пойдет?

— В самом деле, — сказала бабушка, — нельзя с таким глазом идти рядом с офицером — это будет его компрометировать. Вите действительно надо отдохнуть — он еще маленький и не привык ложиться так поздно. И потом, вы же не станете отрицать, милый Гриша, что я значительно лучше ребятишек знаю Петроград. Итак, с полковником, — сказала бабушка в нос, — иду я. Это решено. Гриша, выйдите, мне надо одеться.

— Дудки! — заорала я, теряя чувство юмора. — Он со мной хочет! Он меня попросил!

Я слетела с кровати, напялила халатик и помчалась в ванную. Ванная была закрыта, и там фыркал и рычал морж.

— Ух, хорошо, эх, отлично, их, здорово, — рычал морж и плескался так, будто он хотел переплыть Северный Ледовитый океан.

— Василий Андреевич! Дядя Вася! — закричала я.

— А? Что? Кого? — кричал дядя Вася из ванной. — Не слышу!

— Подождите! Не плескайтесь! Не плещитесь минуточку.

— А? Что? Кого?

— Это я, Маша!

— Кого? Что?

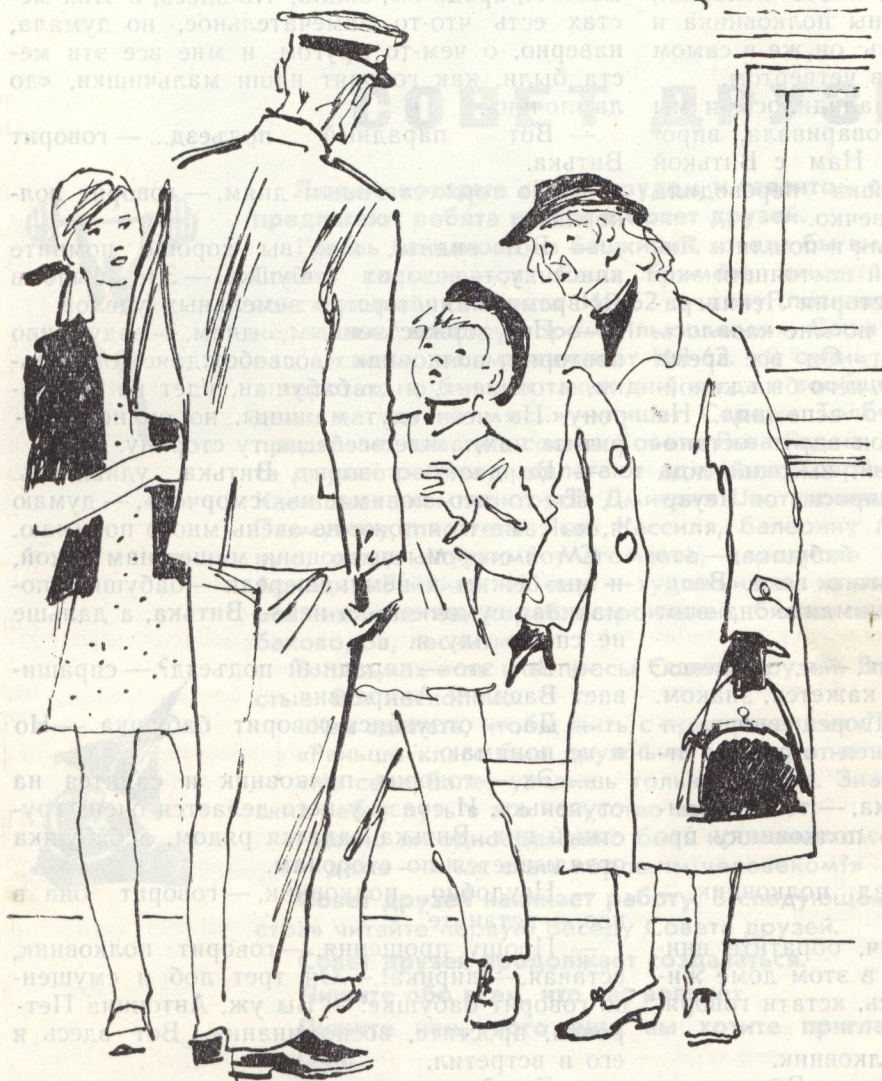
И в это время, конечно же, к дверям ванной подскочил в одних трусиках Витька, а за ним выкатилась и бабушка, и все начали кричать, перебивая друг друга, а папа стоял в передней и хохотал как сумасшедший.

— Ой, — говорил он сквозь смех, — ой, не могу. Василий Андреевич, вы не вылезайте, они вас на части разорвут, ой, ах, не могу... Ха-ха-ха!

Я сориентировалась довольно быстро. Пока Витька с бабушкой перекрикивали друг друга, я помчалась на кухню, скоренько вымылась, помчалась в комнату, скоренько оделась, причесалась, перевязала бинтиком глаз, помчалась опять в кухню, скоренько выпила бутылку кефира и съела булочку, и, когда полковник вышел из ванной, я сидела и с чинным видом ждала его уже совсем готовая, а Витька с бабушкой ссорились, кому первому идти в ванную, и папа их уговаривал не ссориться, а сам хохотал.

Полковник испугался.

— Что случилось? — спросил он. — Отчего такой шум? Почему такой крик?

Папа ему все объяснил.

— Ну, что ж, — серьезно сказал полковник, — мне, конечно, очень приятна такая забота... Но я думаю, что...

— Я уже готова, — скромно сказала я, выходя из кухни. — Доброе утро.

— Хмм, — сказал полковник, — как по боевой тревоге. Но я думаю, что мы можем пойти... — он посмотрел на меня.

— Конечно, — сказала я, — пока они соберутся...

— Хмм, — опять сказал полковник, — я думаю, что мы можем пойти вчетвером. А? — и он опять посмотрел на меня.

— Конечно, — сказала я, почему-то заикаясь, и ушам моим стало жарко.

— Ну, и отлично, — сказал полковник.

Мы позавтракали — мне пришлось съесть еще и яичницу — и все вчетвером чинно вышли из дому. Все были очень довольны, а я ругала себя последними словами. Папа дошел с нами до угла и почему-то все время с хитрой усмешкой посматривал на меня. Он попросился со всеми, а меня отвел в сторону и сказал на ухо:

— По-моему, ты получила весьма наглядный урок благородства.

Не может не сказать, сразу видно — учитель. Как будто я сама не поняла. Просто я хотела... мне хотелось... я думала вот будет здорово, если девочки из класса, которых мы встретим, обязательно должны встретиться, увидят меня с настоящим полковником, да еще с Героем Советского Союза — он вчера был без Звезды, сегодня надел. Увидят одну, а не со всем семейством. Это будет ах и ох! Умрут от зависти. А так, когда мы все вместе — это

не то; может, полковник просто бабушкин знакомый. Вот это-то и обидно. Я некоторое время шла сзади и переживала, но потом начала по кусочкам собирать свое чувство юмора, и мне, наконец, стало смешно: что это я в самом деле, как четвероклашка какая? Бабушка в это время очень важно шла рядом с полковником, а Витька, как собачонка, забегал все время вперед, путался у дяди Васи под ногами и смотрел на него, задрав голову. Я догнала их и пошла рядом с полковником,

наступая Витьке на пятки. Он ужасно злился и шипел на меня, но ничего поделать не мог — я шла, как каменная. Тогда он плюнул и пошел впереди, но все время оглядывался и налетал на прохожих. Полковник, по моему, все это видел и усмехался, потом он потянул Витьку и всунул его между собой и бабушкой, да еще и руку ему на плечо положил. Витька высунулся из-за спины полковника и скорчил мне рожу. Ну и пусть: он же в самом деле еще маленький — всего в четвертом.

В общем, постепенно все наладилось, и мы шли и разговаривали. Разговаривала, впрочем, больше одна бабушка. Нам с Витькой только иногда, когда бабушка переводила дух, удавалось вставить словечко.

Мы вышли на улицу Пестеля и пошли к Литейному. Бабушка, как самый настоящий экскурсовод, рассказывала об истории Ленинграда. Полковник кивал головой, но мне казалось, что он не очень-то и слушает. Он все время смотрел по сторонам, и вид у него был какой-то такой, как будто он что-то вспомнил. На углу Пестеля и Литейного он вдруг остановился и посмотрел на большой, высокий дом.

— Это Дом офицеров? — спросил он неуверенно.

— Ну, конечно, — сказала бабушка, — это вторая половина девятнадцатого века. Василий Андреевич, обратите внимание на этот дом...

— Вот, — сказал полковник, — я, кажется, здесь был. Вот этот дом мне, кажется, знаком.

— А у нас построили Дворец спорта, — сказал Витька, — и мы наконец-то станем играть в хоккей...

— Витя, — сказала бабушка, — ты странный человек, я рассказываю полковнику про Петербург, а ты...

— Ничего, ничего, — сказал полковник, — все в порядке...

— Вот, Василий Андреевич, обратите внимание, — говорит бабушка, — в этом доме жили Некрасов и Пирогов. Здесь, кстати говоря, жила и Авдотья Панаева...

— Здесь? — спрашивает полковник.

— Музей, — говорит Витька. — «Вот парадный подъезд...»

— Что? — спрашивает полковник.

— «По торжественным дням», — виновато говорит Витька.

— Нет, это — напротив, — говорит бабушка, — «целый город с каким-то недугом...»

— Ну, правда? — спрашивает полковник.

Вот что интересно — я бегала по Литейному сто раз и сто раз пробегала мимо этих мест. И, вроде бы, знала, что здесь, в этих местах есть что-то замечательное, но думала, наверно, о чем-то другом, и мне все эти места были, как говорят наши мальчишки, «до лампочки».

— Вот парадный подъезд... — говорит Витька.

— По торжественным дням, — говорит полковник.

— Вот видите, как вы хорошо помните классику, — говорит бабушка. — Это было в то время министерство земельных уделов.

— По торжественным дням, — задумчиво повторяет полковник и, освобождаясь от Витьки, и от меня, и от бабушки, идет на ту сторону. На него едут машины, но он не смотрит на них, а идет себе на ту сторону.

— Во дает! — говорит Витька, удивляясь.

«Ты-то что понимаешь, сморчок», — думаю я, но сама-то я тоже не очень много понимаю.

С той стороны полковник машет нам рукой, и мы бежим к нему: впереди — бабушка, помахивая сумочкой, за ней — Витька, а дальше не спеша иду я.

— Вот это — парадный подъезд? — спрашивает Василий Андреевич.

— Да, — отдуваясь, говорит бабушка. — Но я не понимаю...

— Эх, — говорит полковник и садится на ступеньку. И сразу у него делается очень грустный вид. Витька садится рядом, а бабушка оглядывается по сторонам.

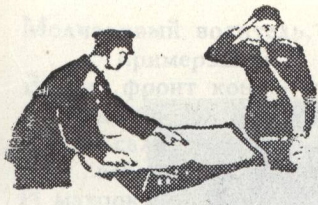
— Неудобно, полковник, — говорит она в нос, — встаньте.

— Прошу прощения, — говорит полковник, вставая, — лирика! — Он трет лоб и смущенно говорит бабушке: — Вы уж, Антонина Петровна, простите, воспоминания. Вот здесь я его и встретил.

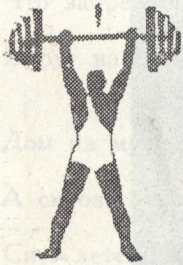
— Кого? — кричу я.

— Гришу. Гвоздика, — говорит полковник. — Да.

Продолжение следует

СОВЕТ ДРУЗЕЙ

Людей, которые своим трудом и талантом служат народу, предлагают ребята ввести в Совет друзей.

Гузель Гайнанова из Башкирии хотела бы видеть в составе Совета космонавтов. Саша Еремеев пишет: «Я восхищен конструкцией самолета ИЛ-62 и хочу познакомиться с Генеральным конструктором Ильюшиным». Саша даже нарисовал в своем письме самолет ИЛ-62. «Я очень люблю стоять в воротах, но бывают такие дни, когда я вообще не реагирую даже на легкий мяч...» — пишет Сережа Толбухов, который предлагает ввести в состав Совета Льва Яшина. В члены Совета друзей ребята предлагают адмирала Ховрина и адмирала Касатонова, композиторов Дмитрия Шостаковича и Александру Пахмутову, писателя Льва Кассиля, балерину Майю Плисецкую, певца Муслима Магомаева, народного артиста СССР Аркадия Райкина. И еще — художников, химиков, модельеров, ихтиологов, кораблестроителей, биологов, геологов, сабаководов, лесничих...

В письмах есть и вопросы Совету друзей. Вопросы непростые. Вот несколько:

«Как сделать, чтобы жить с приключениями?»,
«Раньше класс был дружным, а теперь нет. Что делать?»,
«На селе балет увидишь только в кино. Значит, для сельских ребят путь в это искусство закрыт?»,
«Можно ли одновременно быть космонавтом и ученым?»
И даже — «Как стать хорошим человеком?»

Совет друзей начинает работу. В следующем номере «Костра» читайте первую беседу Совета друзей.

Совет друзей продолжает создаваться.

Пишите обо всем, что вас волнует.

Пишите нам, кого еще вы хотите пригласить в Совет друзей.

Не забывайте писать на конверте: «Совет друзей».

СТРАНА ПОЭЗИИ

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

...Шла блокадная ленинградская зима 1941—42 года. Тому, кто пережил это время, оно вспоминается теперь, как удивительный сон: неправдоподобно-страшный и героически-прекрасный. Иной раз даже

не верится, — неужели все это было?.. Да, было! И хлесткие разрывы снарядов на проспектах и площадях нашего города, и комариный звон «юнкеров» в ночном небе, и грохот бомб, раскальвавших дома, и голод, унесший тысячи и тысячи жизней, и лютый холод, и темень, и трамваи, вмерзшие в сугробы, и снежные заносы на Невском, и редкие одинокие фигуры медленно бредущих людей... Это — страшное. А прекрасное — потрясшая весь мир стойкость ленинградцев, их беспримерное мужество, их способность к самопожертвованию во имя победы, — все то, что в истории нашего народа именуется с тех пор подвигом Ленинграда.

Мне — молодому в те годы поэту, ополченцу, сотруднику газеты 55-й Армии Ленинградского фронта «Боевая красноармейская», так же, как и всем моим товарищам — ленинградским поэтам-фронтовикам, страстно хотелось запечатлеть в стихах хотя бы некоторые черты этого трагического и неповторимого времени, этих «роковых минут». Я понимал, что стихотворный рассказ о нем должен быть сдержан и строг, что в его основе должно лежать какое-то событие, действие — короче говоря, сюжет. И не обязательно событие большого масштаба. Скорее наоборот: нечто обыкновенное, почти неприметное. Пусть сама обыкновенность, сама неприметность этого события, думал я, покажет читателю необыкновенность времени, о котором пойдет речь, необыкновенность и красоту человеческого духа. В этих поисках и возник у меня сюжет «Баллады о черством куске».

Помню, что первыми слушателями этих стихов были мои товарищи по «Боевой красноармейской» — поэт Александр Гитович, художник Борис Семенов, журналист Фомин. Напечатана баллада была в ленинградской комсомольской газете «Смена», в журнале «Костер», а затем много раз переиздавалась и вошла в антологию советской поэзии.

Не думаю, что причиной тому — ее поэтические достоинства. Сегодня я вижу в ней много недостатков. Но, видимо, что-то от того времени есть в этих стихах, какие-то его черты они все же запечатлели. И если это так — для поэта нет драгоценней награды.

Баллада о черством куске

По безлюдным проспектам
оглушительно звонко
Громыхала —
на дьявольской смеси —
трехтонка.

Леденистый брезент
прикрывал ее кузов —
Драгоценные тонны
замечательных
грузов.

Молчаливый водитель,
 примерзший к баранке,
 Вез на фронт концентраты,
 хлеба вез он буханки,
 Вез он сало и масло,
 вез консервы и водку,
 И махорку он вез,
 проклиная погоду.
 Рядом с ним лейтенант
 прятал нос в рукавицу.
 Был он худ.
 Был похож на голодную птицу.
 И казалось ему,
 что водителя нету,
 Что забрел грузовик
 на другую планету.
 Вдруг навстречу лучам —

синим, трепетным
 фарам — — Приезжай! — закричал ему
 Дом из мрака шагнул,
 покорежен пожаром,
 А сквозь эти лучи
 снег летел, как сквозь сито,
 Снег летел, как мука, —
 плавно, медленно, сыто...
 — Стоп! — сказал лейтенант, —
 погодите, водитель,
 Я, — сказал лейтенант, —
 здешний все-таки
 житель.
 И шофер осадил
 перед домом машину,
 И пронзительный ветер
 ворвался в кабину.
 И взбежал лейтенант
 по знакомым ступеням.
 И вошел.
 И сынишка прижался к коленям.
 Воробьиные ребрышки...
 Бледные губки...
 Старичок семилетний
 в потрепанной шубке...
 — Как живешь, мальчуган?
 Отвечай без обмана!..
 И достал лейтенант
 свой паек из кармана.
 Хлеба черствый кусок
 дал он сыну:
 — Пожуй-ка!..
 И шагнул он туда,
 где дымила буржуйка.

Там, поверх одеяла,
 распухшие руки.
 Там жену он увидел
 после долгой разлуки.
 Там, боясь разрыдаться,
 взял за бедные плечи
 И в глаза заглянул,
 что мерцали, как свечи.
 Но не знал лейтенант
 семилетнего сына.
 Был мальчишка в отца —
 настоящий мужчина!
 И когда замигал
 догоревший огарок,
 Маме в руку вложил он
 отцовский подарок.
 А когда лейтенант
 вновь садился в трехтонку,
 мальчик вдогонку.
 И опять сквозь лучи
 снег летел, как сквозь
 сито,
 Снег летел, как мука, —
 плавно, медленно,
 сыто...
 Грузовик отмахал уже
 многие версты.
 Освещали ракеты
 неба черного купол.
 Тот же самый кусок —
 ненадкушенный,
 черствый —
 Лейтенант
 в том же самом кармане нащупал.
 Потому что жена
 не могла быть иною
 И кусок этот снова
 ему подложила,
 Потому что была
 настоящей женою,
 Потому что ждала,
 потому что любила.
 Грузовик по мостам
 пронесился горбатым,
 И внимал лейтенант
 орудийным раскатам
 И ворчал,
 что глаза
 снегом застит слепящим,
 Потому что солдатом он был
 настоящим.

В. Мурзин

Гравюра Ю. Мезерницкого 1943 г.

Лен. фронт
 1942 г.

РЕБЯТА С НАШЕГО ДВОРА

А. Луговцова

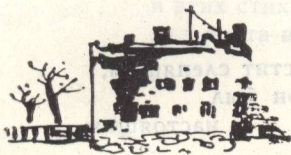
Этот снимок сделан весной сорок первого. Бродячий фотограф — сухонький старикашка с неуклюжим ящиком и треногой в руках — случайно завернул в наш двор.

— Сфотографируемся, дети? Будет память на всю жизнь.

Если бы мы знали тогда, что совсем недолго осталось нам вот так встречаться каждый день в нашем просторном, замощенном булыжником дворе!

Мы бы тогда непременно созвали всех ребят. Мы бы уговорили старичка фотографа дожидаться, пока соберутся все-все. Мы бы сказали ему: понимаете, дедушка, это же на память, на всю жизнь! Но мы ничего не знали о беде, что была уже близко.

Мы, конечно же, играли тогда в войну. Видите, у меня за поясом (я — третья справа в среднем ряду) наган? Я была Анкой-пулеметчицей и без нагана просто не выходила во двор. А вот и сам Чапай — второй слева в верхнем ряду — Витька Рыхлов. Мы только что помогли ему стереть нарисованные углем лихие усы. У отряда был штаб — отвоеванная у дворников маленькая темная кладовка под лестницей. Сюда приводили на допрос пленных, захваченных во дворе дома № 3/15, с которым мы воевали. Здесь сосредоточенный Чапай при свете огарка склонялся над картой,

Дневник Харри Эзопа

Этот дневник читать трудно: еле разбираешь стершиеся от времени карандашные записи. Да и карандаш-то жесткий, рвал бумагу, а не писал.

Вот записи постепенно слабеют, сливаются с белой бумагой... А дальше, страница за страницей — одни голубые линейки, и к ним никогда уже не прикоснется ничье перо.

Харри Эзоп умер от истощения 25 марта 1942 года.

Он жил в центре Ленинграда, неподалеку от Литейного моста. Хороший товарищ, заботливый сын — об этом говорит его дневник. Очень любил рисовать. Сочинял стихи.

Это была семья с крепкими революционными традициями. Мать Харри когда-то была связанной выдающегося эстонского революционера Виктора Кингисеппа. Дед и бабушка работали в большевистском подполье буржуазной Эстонии.

Тяжело, больно читать дневник Харри. И все-таки дочитайте его до конца. Это дневник мужественного человека.

Город, обреченный фашистами на медленную смерть, выстоял не случайно.

**Не забуду, не забудем,
не забывайте
всего того, что мы
пережили, переживаем.**

1 января 42 г.

1942 год! Наступил Новый год! Можно надеяться, что этот год будет лучше, чем прошедший год.

и тогда вестовой Эдька Оржешковский (первый слева в первом ряду) шепотом предупреждал входящих: «Тише, Чапай думает...»

Рядом с Эдькой на снимке — Зоя Муравник, Валя Юдина, Галя Ахметова, Галя Плешанова — наши сандружинницы и врачи. К ним доставляли «раненых».

Первый слева в среднем ряду — Юра Плешанов, младший братишка Гали-сандружинницы. Вправо от него — Женя и Галя Цветковы, тоже брат и сестра.

Позади Жени-маленького стоит девочка Женя — Женя Гусева, рядом с ней ее подруга Лиза Щавелева, дальше вправо — Галя Романова. Кажется, все они не любили боев и не играли в чапавский отряд. Зато очень любили лапту или прятки.

Самая крайняя в среднем ряду справа — Таня Рыхлова, сестра Витьки-Чапая. А вот девочку, что стоит между Таней и мной, как ни пыталась, вспомнить не могла. Не могла вспомнить также, кто стоит за спиной этой девочки — ни имени, ни фамилии, ничего...

В последнем ряду возвышается над всеми Тамара Поликарпова, «Тамарка-длинная», как мы бесцеремонно ее называли. Впрочем, Тамарка ничуть не обижалась и понимала, что мы вовсе не хотели ее обидеть. Первый слева в этом же ряду — Ваня Смирнов, степенный, рассудительный, немного ироничный.

Но я должна рассказать еще о ребятах, которых не оказалось на снимке. Конечно, не обо всех — обо всех не расскажешь.

Когда кого-нибудь из мальчишек нашего двора отчитывали дома за очередную проказу, ему говорили:

— Посмотри на Вилю Волкова! Бывают же такие прекрасные дети!

Виля Волков для многих был недосыгаемым образцом. В школе — круглый отличник. Дома не бунтовал даже против коротких штанов, в которые его почему-то одевали чуть ли не до пятого класса.

Вилька был очень ценным человеком: у него имелся волейбольный мяч. Когда он выходил во двор, мы играли только в волейбол. Кончались волейбольные бои всегда одинаково — из Вилькиного окна раздавался голос:

— Виля, домой!

Он никогда не протестовал, не говорил, как другие в таких случаях: «Еще немножко, мамочка!» Молча забирал свой мяч и уходил.

Вильку признали после одного случая. Кто-то из старших ребят однажды подставил ножку маленькому Юрке Плешанову.

Теперь все идет к лучшему, хлеба уже прибавили, получаем уже двести граммов хлеба в день, надеемся, что скоро еще прибавят. Трамваи, троллейбусы не ходят, нету электричества, вчера ходил на завод мамашин за карточками, пешком на Выборгскую сторону, помучился порядочно, пока добрался, получил и домой пришел. Мать тяжело больна (грипп, бронхит), лежит уже почти месяц. Тяжело, но ничего не поделаешь. Переживем! Перетерпим!

Уже темнеет. Шесть часов вечера, а я уже раздеваюсь, ложусь (раньше в одиннадцать ремнем спать загоняли).

4 января

Вчера приехала тетя с передовых. Ночевала у нас. Прибавки продуктов что-то не видно, даже еще хуже

стало... Все приходится доставать в огромных очередях. Дней пять назад стоял с восьми часов утра до шести часов вечера. (Десять часов на улице — страшно вспомнить!) А вот вчера еще я получил утром хлеб в половине восьмого, а через полчаса уже нигде хлеба не было. Сегодня же поленился встать рано и только лишь днем получил, да такой сырой, тяжелый, просто ужас... Трудно! Трудно!

Пишу все это вечером. Скоро восемь, пора спать, света нет, пишу при свете коптилки. Кончаю. Хватит на сегодня. Завтра предвидится много дел, утром в магазин, затем доктора надо вызвать... Тяжело, но ничего не пройдет даром фашистам. Бьют их уже здорово. Точка!!!

14 января

Сегодня опять жуткий мороз. Холодно, дров у нас нет, я уже третий сарай чищу, стыдно сознаваться в этом, но сейчас время такое, поневоле стащишь охапочку дров. Продуктов пока еще никаких нет, вот только вчера этой дурандной муки... Жутко подумать, полмесяца прожить, а получить только 400 граммов соли, полкуски мыла и каплю муки. Ведь не поверят потом, а ведь жили мы еще.

24 января

Ура! Прибавили хлеба, нам, иждивенцам, теперь 250 граммов, детям тоже, а служащим 300. Все, что у нас было, кончилось, вчера уже совсем отчаялись, а сегодня как будто жизнью нас накачали. Завтра нам еще по 100 гр. крупы и 150 конд. изд. обещал заведующий. Еще несколько дней проживем! 40 градусов, ветер вдобавок. Вода повсюду замерзла, не знаю, куда и идти те-

Вилька, не раздумывая, бросился на обидчика, хотя тот был на целую голову выше его.

Но самым непохожим на других все же, наверное, был Аркашка Муравник, старший брат Зои.

Он избегал шумных игр, сторонился больших ребячьих компаний. Высокий, очень бледный, с курчавой темной головой, он лишь изредка, как-то незаметно появлялся во дворе и так же незаметно исчезал. Буквально сутками не вылезал он с балкона, где у него было нечто вроде лаборатории, забитой всевозможными железяками, обрезками фанеры, бутылками с растворами.

Однажды Аркашка решил соорудить и поднять в небо воздушный шар. Он склеил его из полосок прорезиненной ткани — шар получился огромный, метра полтора в диаметре. Наполнить шар Аркашка решил водородом. Ночью на балконе полыхнул взрыв, от которого проснулась вся квартира, а сам Аркашка едва не оглох.

Он умел рисовать, лепить, мгновенно вырезать ножницами силуэты приятелей. Он упросил родителей купить ему балалайку и за две недели выучился играть. Деревянный наган, что торчит у меня за поясом, — подарок Аркашки. Он сам его сделал. Тщательно отполированный, с тонкой инкрустацией на ручке, этот наган вызывал у ребят неизменную зависть.

Война оказалась совсем не такой, какой представлялась в наших наивных играх. Никому из нас не пришлось мчаться на танчанке в атаку. Все было будничней. И все — в тысячу раз суровой и трудней.

Несколько дней мы ходили грязные, как черти, — мели, чистили, красили чердаки, таскали туда песок, заполняли водой бочки. Каждому из ребят повзрослее определили на чердаке наблюдательный пост. Во время воздушных налетов — а они в первые недели войны следовали один за другим почти без перерывов — мы поднимались на крышу.

Как-то в голубом прозрачном небе, прямо над нашей головой, завязался воздушный бой. Маленькие, отсвечивающие на солнце точки налетали друг на друга, пикировали, опять взмывали вверх, и стрекот их пулеметов раздавался будто совсем над ухом. Было жутко и неуютно стоять на крыше, мы не понимали, где наши самолеты, где немецкие. Но оторваться от зрелища боя не могли. Вот задымил и стал снижаться один самолет, потянулся черный шлейф за другим... Назавтра мы услышали по радио: над Ленинградом сбито несколько самолетов противника.

По вечерам в небе шарили прожектора. Иногда мы видели, как в их скрестившихся лучах сверкала серебристая искорка —

перь. Вчера был в Красном уголке, принес книг оттуда, комнату топили, дров у нас нет ни полешка... Половина наших сараев взломана, утащены дрова, сняты целые стены, двери, это не считается уже позором или воровством. Я пока надеюсь на книги Красного уголка, там их еще хватит, так и валяются на полу (а какие книги!)... Я выбрал себе из всех книг по одному экземпляру, а остальными топлю. Печку натоплю докрасна, а в комнате все равно холодно. Нигде не топят кругом потому что. Рядом у соседей второй покойник: 21 января померла Анфиса,

также от недоедания, ведь последние дни совсем не выдавали продуктов, а она и так вся распухла, слегла вот, пролежала три дня — и готово.

Радио работает с перебоями, редко когда услышишь последние известия. Слышали о взятии Рухлова и Малоярославца. Хоть бы поднажали под Ленинградом. Сейчас опять началась эвакуация, пусть едут, мы окончательно решили никуда, никогда, ни за что не ехать. Здесь родились, жили и умрем, если надо.

Чувствую себя пока еще ничего, если не считать легкой слабости и

головокружения по утрам и вечерам. Опухоль на лице спала, начинаю резко худеть... Петертерпим!

Где сейчас наши ребята?? Юрка Дьячков, Кузя, Борька Пеликов, Лебедь, Женька Дворников, Тамарка, Глеб, Абрам, Белка Силова... Никого из них я не видал уже давно-давно...

27 января

...Вчера со мной удар был, на Лаврова свалился, какой-то дядька помог встать, еле добрался домой. Пришел, разревелся, понимаешь, обидно, продуктов не дают, хлеба не достал, промерз весь.

Пришел, слег, но всю ночь не мог заснуть, думал, что больше и не встану, нет, сегодня утром как будто полегчало, спину, правда, колет сильно, но не чувствую вчерашней слабости. Хлеб сегодня получил чудом каким-то, знакомые примазали, сами они стояли за хлебом с половины шестого утра, плохо с подвозом, нет воды, дров, транспорта, а хлеб очень невыгодный, горячий, мало.

9 февраля

Я болен и, наверно, последний раз, вряд ли встану, в голове мысли только о смерти. Затем сны разные. Врача нет, но по диагнозу тети воспаление легких, бронхит, плеврит, ну, и истощение организма. Руки и ноги отморожены, слезает кожа, зудят болячки, дышать не могу, задыхаюсь, ужасный кашель, сильные боли в груди. Сил нет, кормит меня мать чуть ли не с ложки...

«схватили» чужака. Его уводили за черту города и там расстреливали из зениток.

Отсюда, с крыш, мы смотрели на яркое, занявшее полнеба зарево пожара, когда горели Бадаевские склады. Мы не знали тогда, какой трагедией для города, для всех нас обернется потом этот пожар: сгорели тысячи тонн муки, сахара, масла, крупы, консервов... Позднее, уже глубокой зимой, соседи угостили нас горстью принесенной с пожарища «бадаевской» земли. С ней пили чай. Земля оседала в стакане, а жидкость приобретала слабый вкус жженого сахара.

Помню первую зажигалку, упавшую к нам на крышу. Мы с Вилькой Волковым стояли на чердаке у слухового окна, когда немецкие самолеты проревели над самой нашей головой. Из-за гула моторов мы не слышали, как бомба стукнулась о крышу. Мы поняли, что это случилось, когда увидели справа, метрах в десяти от нашего наблюдательного поста, быстро расплывающееся огненное пятно. Вилька вылез на крышу. Я подала ему щипцы с длинными ручками — наш противопожарный инвентарь — и вылезла тоже. Мы знали, что зажигалку нужно схватить щипцами и сунуть в ящик с песком. Или закидать мешочками с песком — таких мешочков, изготовленных из старых чулок, у нас было предостаточно. Но от волнения Вилька все забыл. Ухватив зажигалку, он отчаянно взмахнул щипцами и швырнул ее во двор. Зажигалка упала прямо на деревянный сарай. Хорошо, что внизу, под аркой, оказались люди, переживавшие тревогу. Пожар потушили.

Вильку никто не ругал. Нам сказали: ничего, научитесь.

Потом мы действительно перестали бояться зажигалок, научились с ними быстро расправляться.

Страшнее были бомбы фугасные — с ними не расправишься, как с зажигалками. Можно было только отчаянно сжимать кулаки, услышав хватающий за сердце пронзительный свист.

К зиме воздушные налеты почти прекратились. Видимо, фашисты решили не тратить впустую силы: долго ли может держаться город без пищи, без тепла и света?

7 февраля 1942 года умерла моя сестра Валя. Она простудилась в очереди за хлебом — несколько дней металась в жару. Через две недели ей бы исполнилось 17 лет. Мама пережила ее лишь на несколько часов. Случилось это ночью. До утра, завернувшись в одеяло, я просидела на стуле возле кровати. Я думала, что сейчас моя очередь, я уже едва передвигала от слабости ноги.

В шесть часов заговорило радио. Я вспомнила, что надо идти в булочную...

Я рад тому, что мать хоть ходит, она уже встала. Что бы мы делали, если бы и она болела. Ей, правда, сейчас очень трудно. Мне не верится, что я выживу. Ну что ж. Такова судьба. К черту!

16 февраля

Жив еще. Смутный луч жизни возникает во мне. Хочется верить, что я буду жить, стану дышать, ходить, смогу делать кое-что своими обезображенными руками.

Каждый день обстрелы нашего района. От школы, говорят, одни

стены остались. У нас стекла аллахом целы, потолок же, как сетка — весь в трещинах. Был жуткий артобстрел, с 9 вечера до 2 часов ночи.

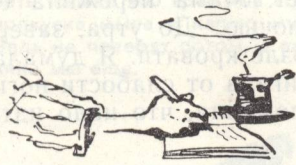
21 февраля

Ура! Началась бесперебойная выдача продуктов, почти каждый день что-нибудь дают понемногу. Значит, я буду жить. Я готов обнимать, плясать, целовать, но пока нет еще сил. Кашель уже не так одолевает. Лежу с грелками, горчичниками. Руки заживают. Пичкают разные лекарства. Ноги боюсь что отморожены, все пальцы левой ноги совсем черные и дохлые.

2 марта

Вот и март. С продуктами опять тяжеловато. 4 дня ничего не дают. Приходится тратить большие деньги на питание. Вчера мамаша купила на 35 рублей сахарину (3,5 грамма). Жуткая цена. Сегодня будем варить студень из клея столярного. Многие умирают от него, но голод не тетка... Сейчас мать варит, что получится, не знаю.

3 марта

Сегодня ел студень из клея, один раз. Ничего на вкус, но его можно есть без конца, поскольку не питателен.

Кончаю писать, темно, уже 7 часов. Передают последние известия...

Не знаю, каким чудом я тогда выжила. Впрочем, знаю. В булочной я встретила Тамару Шафрановскую, мою школьную подругу. Она, видно, обо всем догадалась по моему лицу, потому что не отпустила меня домой. Мать Тамары, Тамара Константиновна, тоже уже почти не поднималась. Она сказала, расспросив меня обо всем:

— Ты никуда отсюда не пойдешь. У меня теперь будет две дочери.

У Тамары я жила почти три месяца. Умерла ее бабушка, потом мать, человек удивительной души.

В райисполкоме меня спросили:

— Хочешь в детдом? Еще можно в ремесленное училище.

Я выбрала ремесленное.

Помещалось оно на 10-й линии Васильевского острова.

Нас учили делать табуретки. Помню глаза нашего мастера, увидевшего, с каким трудом я волоку по деревяшке тяжелый фуганок.

— Ты вот что. Пока недельку не работай, набирайся сил. Садись вот тут на стружку и сиди. Отойдешь.

Сколько раз еще в то суровое время согревала меня человеческая доброта! Но это уже другая тема.

Я снова беру в руки старые, пожелтевшие фотографии, всматриваюсь в лица друзей моего детства.

Многих ребят с нашего двора сегодня среди нас нет.

Вы, наверное, не раз слышали эту цифру. Больше шестисот тысяч человек погибло в блокадном Ленинграде во время его беспримерной 900-дневной обороны. Это были мирные женщины, дети, старики, подростки. Но они сделали для нашей победы все, что смогли. Они отдали за нее свою жизнь.

Я хочу, чтобы вы знали имена некоторых из них. Имена ребят с нашего двора.

Аркаша Муравник. Он умер от истощения в больнице. Когда он туда попал, ему уже ничем нельзя было помочь...

Виля Волков. Я видела, как морозным январским днем 1942 года выносили и укладывали на саночки, чтобы везти на кладбище, его легкое, завернутое в одеяло тело.

Таня Рыжлова, задиристая и отчаянная, сестра Витьки-Чапая. Женья Гусева, девочка, не любившая играть в войну.

Галя Ахметова, наша сандружинница.

Ваня Смирнов, серьезный, рассудительный и степенный Ваня, которому безоговорочно предоставлялась в наших играх роль комиссара отряда.

Толя Рыбаков — о нем я еще не упоминала — белобрысый веснушчатый мальчик, который мечтал стать моряком...

Он бы, конечно, был сегодня моряком, этот Толя. Он очень мечтал об этом. Он даже ходил всегда в бушлате, на котором сияли тщательно надраенные пуговицы.

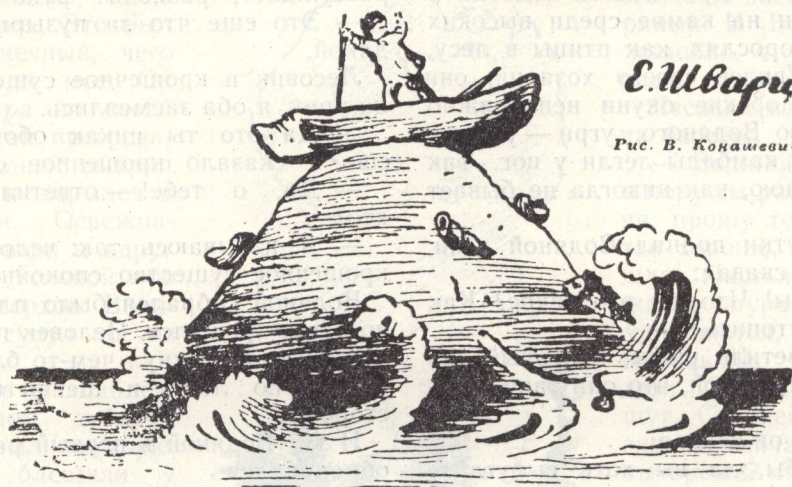
А кем бы был Аркаша? А Виля? А Таня?

Я не могу ответить на эти вопросы. Я знаю только, я в этом уверена: многое могли бы сделать для людей эти ребята с нашего двора.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СКАЗКА

Е.Шварц

Рис. В. Конашевича

Эта сказка впервые появилась на страницах «Костра» во время ленинградской блокады. Бумаги в осажденном городе не хватало, «Костер» печатался крохотным тиражом, и сказка Е. Шварца, как и многие другие материалы, претерпела сокращения. Теперь вы можете прочитать «Ленинградскую сказку» всю целиком. Иллюстрации прежние, рисунки эти сделаны художником В. Конашевичем в 1943 году.

Все любят море — и ты, и я, и моряки, и рыбаки, и дельфины, и чайки. Но на той земле, где стоит теперь наш Ленинград, когда-то шумело море дикое и до того пустынное, что некому было любить его. Даже рыбы не знали, любят ли они свое море, ведь их никто не ловил. А рыба понимает, что жить без воды не может, только когда ее тащат отсюда на крючке.

Хозяинчал тогда в море Водяной, сварливый и неуживчивый. Только рыбы с ним и уживались по безответности своей. Целыми веками бродил Водяной взад и вперед по морю, выставив нос наружу. На глубоком месте вытягивался Водяной в ниточку, на мелком — расплывался в блин и все принюхивался, все приглядывался, все искал, кого бы ему утопить. Но никого, никого не встречал Водяной. Топил он только низкие пустынные берега, показывал свою силу.

Топил он берега, топил и добрался, наконец, до Пулковских высот. И, взглянувши с мелкого места на высоты эти, затрясся Водяной, как кисель. Разгневался.

Он увидел: стеною стоит на Пулковских высотах лес. А в лесу Великан наклонился над огромною сосною, причесывает ей верхушку деревянным гребнем. Водяному послышалось, будто гром грехочет вдали. Но он разобрал скоро, как Великан бормочет:

— Ох, растрепана ты, растрепана, ну и растрепана.

Глядел на это Водяной, глядел, слушал, слушал, тряся, тряся и вдруг со злости заплакал в тридцать три ручья.

— Что такое? — загремел Великан. — Кто ревет?

Водяной молча показал Великану кулак.

— Смотри-ка! — удивился Великан. — Лежит на мели какой-то блин да еще и грозит. Ты кто такой?

— Я владыка воды, Водокрут, Водомет, Водогон, Водобой, Водяной Первый! А ты кто?

— Лесовик, — сказал Великан.

— Лесовик? — зашипел Водяной. — Ну, прощай, Лесовик. Сейчас я тебя прикончу!

И он выгнул спину горбом, как кот. И морская вода вслед за ним сгорбилась, без шума и плеска встала горой, дрогнула, двинулась и рухнула на берег. Брызги взлетели выше Пулковских высот. Разбилась водяная гора в пену и отхлынула.

— Ага! Ушибся о корни! — сказал Лесовик. — То-то, брат. Помни твердо: земля — это мое хозяйство.

Молча отвернулся Водяной и, извиваясь как змея, поплыл под водой в самую морскую глубину.

Раз в сто лет уходил Водяной на дно отдышаться. Трое суток сидел он под водою

неподвижно, как неживой, закрыв глаза, сложив лапы. Семь лет оставалось ему до положенного срока, но он все-таки пошел на дно набраться сил. В глубочайшей подводной пропасти уселся он на камне среди высоких водорослей. В водорослях, как птицы в лесу, шныряли рыбы. Увидев своего хозяина, они пошли к нему. Морские окуни неподвижно встали над головою Водяного, угри — у плеч, селетки — у колен, камбалы легли у ног. Так тихо стало под водою, как никогда не бывает на земле.

Но вот через сутки поднял Водяной веки, поглядел на рыб и сказал:

— Рыбы, а рыбы! Что же это такое? Как же мне Лесовика утопить?

Ни слова не ответили рыбы, и первый раз в жизни пожалел Водяной, что они такие безответные.

На вторые сутки он сказал:

— Рыбы, а рыбы, да вы хоть выругайте Лесовика-то!

Рыбы даже не пошевелились, и обидно стало Водяному, что они такие хладнокровные.

К концу третьих суток, сидя на дне, начал Водяной тянуться вверх и вытянулся в ниточку, и нос его поднялся над волнами. И Водяной зашипел:

— Прососу, проточу, размою, затоплю!

Так началась война Водяного с Лесовиком.

Дня не проходило без боя. Но древесные корни крепко держали свою землю. А Лесовик еще и дразнил врага.

— Вода-то, — говорил он, — поумнее тебя. Она любит нас.

— Глупости! — шипел Водяной.

— Как же глупости? Смотри — вон каждое деревце качается в воде вверх корнями. Это твое море моим хозяйством любит, играет с ним.

Водяной с визгом бросался на лес, который, как живой, отражался в воде, а Лесовик хохотал, как гром.

— Чудак ты, чудак! — гремел он. — Вода по мягкости своей пока что слушается тебя. Но это не навеки. Ведь добрее воды ничего на свете нету. Она и деревья мои поит, и цветы, и травы, и меня, Великана. Гляжу я на море и думаю: попасть бы ему в хорошие руки — оно радовало бы всех, а не пугало бы.

От таких слов завивался Водяной штопором, и выл, и плакал в тридцать три ручья, и гнал волны на берег, и отступал весь в брызгах и пене, но все напрасно.

И вот однажды, на стопятидесятый год войны, выглянул Водяной из воды и видит.

Стоит рядом с Великаном Лесовиком крошечное существо. И разговаривает это существо с Великаном как с равным — спокойно рассуждает, разводит руками, улыбается.

— Это еще что за пузырь? — завопил Водяной.

Лесовик и крошечное существо обернулись на крик, и оба засмеялись.

— Да это ты никак обо мне спрашиваешь? — сказала крошечное существо.

— Да, о тебе! — ответил Водяной. — Ты кто?

— Я называюсь так: человек, — объяснило крошечное существо спокойно.

Водяной собрался было плакать от ярости, но вдруг утешился. Человек подошел к огромному дубу, взмахнул чем-то блестящим, и стук пошел по лесу, и щепки брызнули во все стороны.

И тут Водяной в первый раз в своей жизни обрадовался.

— Он дерево портит! — завопил Водяной. — Вот радость-то!

— Не портит он его, а рубит топором, — ответил Лесовик. — Когда ветер валит дерево — вот это действительно жалость. А ты, человек, руби себе, я тебя очень люблю.

— Как можно такую гадость любить? — спросил Водяной.

— Вокруг человека все так и оживает, — ответил Лесовик. — А ведь лучше этого ничего на свете нет.

Тут дуб затрещал и тяжело рухнул на землю.

— Пока что дуб-то твой помер! — зашипел Водяной радостно.

Но дуб бодро проскрипел на своем дубовом языке:

— Нет, брат, мы брат, дубы, брат, еще брат, того, брат...

Случилось все это ранней весной. Дни стояли длинные-длинные, и человек от восхода до заката работал возле срубленного дуба, стучал топором.

— Наверное, он помрет от усталости, — мечтал Водяной, лежа на мели. — Вот радость-то будет!

Но человек и не думал умирать. Иногда он даже громко пел, отчего Водяной дрожал, как кисель. В полдень из лесу выходила жена человека и сын его, маленький мальчик. Они приносили человеку обед. Водяной грозил им кулаком, но они и не глядели в его сторону. Человек показывал жене и сыну, как много он успел поработать с утра. И Лесовик, став на колени, нагнувшись до самой земли, вместе с людьми любовался человеческой работой. И Водяной, вытянув шею как журавль, тоже

старался разглядеть, что там мастерит человечек, и ничего не мог понять.

Но вот пришел день, когда Водяной понял все. Это был день ясный, солнечный, чего Водяной терпеть не мог. Он залег было с утра на своей мели, но солнце так прогрело воду, что Водяной выбрал место поглубже и зарылся в тину, освежиться. Освежившись, пошел он вверх и вдруг больно стукнулся головой обо что-то живое и твердое. Водяной отпрянул, высунул нос из воды и завыл.

Человек, сидя в выдолбленном и обтесанном дубовом стволе, быстро плыл по морю. Какие-то палки блестели у него в руках.

— Что это за гадость? — заревел Водяной.

— Это называется так: лодка! — ответил человек. — А в руках у меня весла. Хорошо сработано? А?

Лесовик стоял на берегу и кричал:

— Счастливой охоты!

А Водяной молча двигался за лодкой.

Далеко-далеко в море человек перестал грести и закинул в воду удочку.

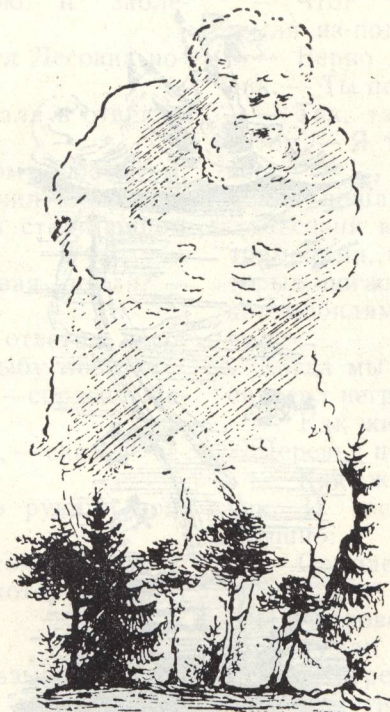
Долго глядел Водяной на человека, а потом прошипел:

— Ну, а теперь я примусь за работу!

Не спеша завился он штопором, уперся ногами в дно, широко распротер лапы и завертелся на месте как волчок. И муть поднялась с морского дна. И высокие морские волны с белыми гребешками пошли на лодку — одна, вторая, третья. И вот девятый вал горою вырос над человеком. Сам Водяной стоял во весь рост в этой страшной девятой волне и глядел на человека своими белыми глазами. Но человек ударил веслами, и лодка отпрыгнула, как живая. Нет, человек ни за что не хотел тонуть. Так удивительно он работал веслами, что вода слушалась его, а не Водяного. Волны покорно несли лодку прочь от разъяренного чудовища, от собственного своего владыки.

— Вот видишь! Я же тебе говорил! Вода умных людей любит! — гремел на берегу Лесовик.

И человек благополучно причалил к берегу, выволок лодку из воды и понес рыбу домой в ведре.

Ночью взошла полная луна. Море заблестело. Водяной поднял голову над водой, и нос его тоже засверкал, как серебряный. И Водяной завыл так жалобно, что дрожь пошла по воде.

Лесовик негромко заговорил на берегу.

— Водяной, а Водяной! Не в пору ты расшумелся. Не кричи, прошу тебя! В лесу у нас так хорошо, мирно. Весна пришла. Листья в первый раз в жизни шуршат и сами этому удивляются, они у меня еще маленькие, можно сказать, дети. Зайцы на поляне пляшут. Соловей глаза закрыл — значит, сейчас запоет. К чему ты орешь? Веди себя скромно.

В ответ Водяной завыл еще громче, еще тоскливее.

— Нрав у тебя дикий, безобразный! — сказал Лесовик, забрался поглубже в чащу и заткнул уши.

А Водяной все выл, все выл, пока туман не поднялся над морем. Тогда Водяному стало легче. Ни берегов кругом не видно, ни луны, как будто полным хозяином на свете остался он один — Водяной.

— Хорошо, — прохрипел он, — потерпим до осени.

И вот пришла осень, как раз такая, о какой мечтал Водяной — сырая, туманная, темная. Дождь лил до того частый, туман стоял до того густой, что Водяной в один ненастный день поднялся из моря и поплыл по воздуху, как по воде.

Человек работал в лесу и пел песни, как будто ему все равно было, какая стоит погода. А Водяной, невидимый в тумане, неслышно подплыл к нему между стволами. Он схватил человека за горло, но, услышав шаги Лесовика, дрогнул и поплыл обратно к морю.

— Экая сырость! — пробормотал человек, перестав петь. — Так прямо и душит.

И к вечеру он заболел, слег. Глотать было больно, голова болела, он бредил. А к утру человеку стало еще хуже. Жена его сидела рядом с ним, а Лесовик бродил по лесным полянам, собирал целебные травы, чтобы сварить лекарство больному. Все были печальны, только маленький мальчик, сын человека, твердо верил, что все кончится хорошо. Ему было всего семь лет, и он не знал еще, что

иногда к людям приходит настоящая горе.

— Когда отец поправится — ему захочется есть. Я поеду рыбу ловить! — сказал он.

— Нет, не смей! — ответила мать.

Но мальчик притворился, что не расслышал, и побежал на берег. Изо всех сил навалился он на корму лодки, чтобы столкнуть ее в море. Но лодка отлично знала, что нельзя мальчику выходить на рыбную ловлю одному. Она уткнулась носом в песок и не двигалась с места.

Но тут из воды поднялась огромная лапа. Через туман и дождь двинулась она к лодке и схватила ее за нос. И лодка, не успев понять, что с нею случилось, закачалась на воде.

— То-то! — сказал мальчик. — Я знал, что я силач. — Он схватил весла и удочку, и лодка понеслась по воде.

«Я гребу легче отца!» — подумал мальчик радостно.

А это Водяной толкал лодку в корму лбом, и она вихрем летела по волнам через дождь и туман.

Далеко-далеко в море остановился Водяной наконец и заплакал от радости в тридцать три ручья. А мальчик, не зная, какая страшная беда ему грозит, спокойно забросил удочку в воду.

Тут лодка опомнилась и заскрипела на своем дубовом языке:

— Лесовик! Того! Как его! Неладно! Уволкло! Надо бы! Обратно бы! Домой бы! Скорее бы!

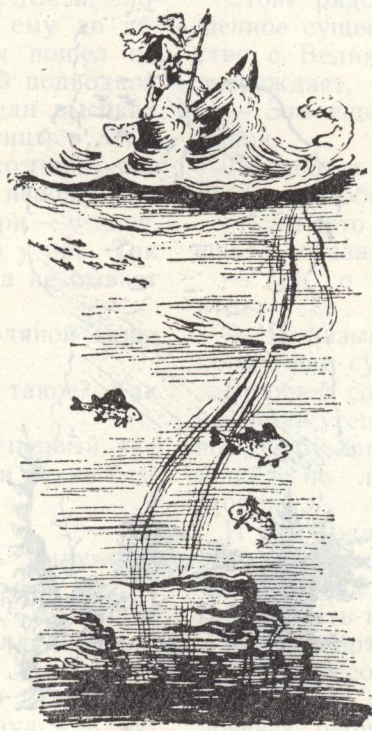
По воде слова летят легко, и они мигом донесли до Лесовика. И Лесовик выпрямился во весь свой огромный рост. Стоя по колено в лесу, как в траве, он через дождь и туман сурово взглянул на плачущего Водяного.

— Чего смотришь? — завыл Водяной. — Не мешай мне работать! Я сейчас мальчика топить буду-у!

— Попробуй! — прогрехотал Лесовик.

— Здесь мое хозяйство! — выл Водяной. — Мое! Мое! Мое! Здесь — вода, вода, вода!

— А под водой что? — спросил Лесовик сурово.

— Водоросли — вот что! — ответил Водяной.

— А еще?

— А еще — рыба.

— А еще?

— А больше ничего и нет, — ответил Водяной. — Довольно меня с толку сбивать. Сейчас мальчишка утонет. Отец его с горя ослабеет, и простуда убьет его. Умрет от тоски и женщина. И все будет хорошо! Довольно, довольно поболтали, пора дело делать!

И он не спеша завился штопором, уперся ногами в дно, широко распростер лапы и закрутился на месте как волчок. И мать поднялась с морского дна. И высокие серые волны с семью гребнями пошли на лодку — одна, вторая, третья. И вот девятый вал горою вырос у лодки. Сам Водяной стоял во весь рост в этой страшной девятой волне и, не мигая, смотрел на мальчика своими белыми глазами.

На берегу громовым голосом закричал Лесовик. Волна обрушилась.

— Ну, вот я и погиб! — подумал мальчик и зажмурился.

И в тот же миг лодка перестала качаться. Волны отхлынули с ревом. Водяной взвизгнул. Лесовик захохотал.

Мальчик открыл глаза и увидел чудо.

Лодка стояла на большом илистом острове. Далеко-далеко в тумане прыгали мелкие волны и блестел длинный нос Водяного.

— Что это? — спросил мальчик.

— Что это такое? — завизжал Водяной.

— Я приказал всему илу опуститься, а дну подняться, — прогремел Лесовик. — Земля — это мое хозяйство. Дно мне покоряется.

Молча протянул Водяной лапу и потащил лодку с мальчиком в море. И снова обрушилась на мальчика волна. И новый остров поднялся над морем. Целые сутки не сдавалось упрямое чудовище, пока до самых Пулковских высот не протянулась новая земля. И мальчик пешком отправился домой. Он шел по плоской земле, и его босые ноги оставляли глубокие следы в мягком иле. И когда мальчик исчез в лесу, новая земля совсем опустела. Она была серая-серая, ровная-ровная, невеселая, сырая, но Лесовик хохотал от восторга, глядя на огромную новорожденную равнину. Следы, которые оставили босые ноги

мальчика, наполнились водою и заблестели.

— С добрым утром! — крикнул Лесовик новой земле.

И она едва слышно прошуршала в ответ:

— Здравствуйте!

Когда мальчик рассказал дома обо всем, что с ним случилось, отец вскочил с постели. Все трое выбежали на берег и стали рядом с Лесовиком.

— Нравится тебе наша новая земля? — спросил Лесовик.

— Да, земля ничего себе, — ответил человек. — Только где же я буду рыбу ловить?

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Лесовик.

— Я сегодня совсем здоров, — сказал человек. — А что?

— Я хочу взять вас всех на руки и поднять повыше, — сказал Лесовик.

И он поднял всех троих высоко в воздух.

— Видишь огромную реку, которая бежит по равнине к морю?

— Вижу, — ответил человек.

— Это река для тебя. Она называется так: Нева, — сказал Лесовик. — Вон река поменьше. Она называется Фонтанка. Это для тебя, мальчик. На этой реке ты будешь учиться водить лодку и удить рыбу. А вон речка по имени Мойка. Это для хозяйства: посуду мыть, белье стирать. Поняли? Ну, а теперь пойдем гулять по нашей новой земле.

Много, много веков прошло с тех пор, но Лесовик помнит чудеса тех давних времен, будто произошли они только вчера. Любя людей, превратился Лесовик из Великана в очень рослого человека, чтобы еще ближе, еще дружнее жить с ними. Но могуч он, как в былые дни. В садах, в парках, в лесах работает он и никогда не устает, и по-прежнему вокруг него все так и оживает.

Этой осенью, поздней ночью, бродили мы с ним по ленинградским улицам. Весел был Лесовик, хотя туман сплошной пеленой стоял между домами и мелкий дождь моросил так упорно, будто не собирался перестать много-много веков.

Возле Дворца пионеров сказал Лесовик:

— Стой!

Мы остановились.

— Как раз здесь, — сказал Лесовик, — как раз на этом самом месте поднялась над морем и обрушилась страшная девятая волна. И мальчик закрыл глаза в страхе. И первая ленинградская земля поднялась над водой. Верно я говорю?

— Что? Что? Что? — спросила шепотом земля из-под асфальта, из-под камней.

— Верно я говорю? — прогремел Лесовик. — Ты первая выросла из моря?

— Так, так, так, — подтвердила земля шепотом. — Я тут самая старшая, я тут старше всех.

Мы пошли дальше через дождь и туман.

Лесовик вежливо здоровался с последними трамваями, бегущими в парк, с домами, в которых погас уже свет, с мокрыми от дождя автомобилями, и все почтительно отвечали ему.

Когда мы шли мимо Летнего сада, Лесовик спросил негромко:

— Как живете, друзья?

Деревья не ответили ни слова.

— Как живете, друзья? — повторил Лесовик. И весь Летний сад прошептал едва слышно:

— Осыпаемся да засыпаем, засыпаем до весны.

На Кировском мосту мы остановились. Густой туман стеною окружал нас. Исчезли в тумане берега, дома, огни. Казалось, сырая дикая паутина лежит вокруг.

— Эх, люблю город, который вырос там, где расти так трудно! Люблю осень — памятное время! Ведь как раз осенью Водокрут, Водогон, Водомет, Водобой, Водяной Первый был побежден навеки.

Едва он сказал эти слова, как в тумане, надрываясь, жалобно завопила сирена буксирного парохода.

— Вот точно так кричит Водяной, когда он тоскует, — сказал Лесовик. — Как видно, моряк, который придумал сирену, знал Водяного так же хорошо, как и я.

— Разве Водяной жив еще? — спросили мы.

— Жив, — ответил Лесовик. — И много, много раз пробовал он утопить новую нашу землю. Каждую осень гонит он морскую воду в Неву, и река выходит из берегов. Но скоро мы поставим плотины, которые навсегда загородят Водяному дорогу к нам. Больше не будет наводнений, и старик умрет от злости.

Тут сирена завопила еще тоскливее, еще жалобнее и унылее.

— Берегись! — закричал Лесовик.

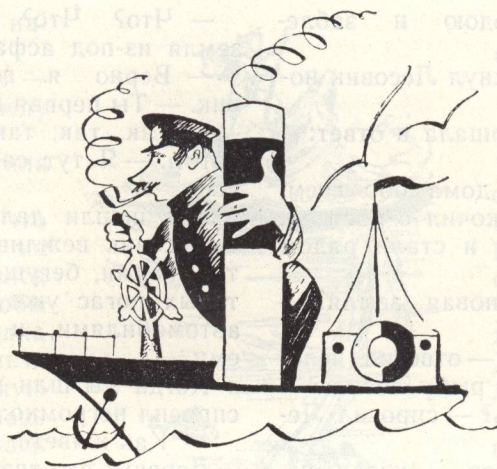
Прямо к моему горлу, из тумана, протянулись белые лапы. Прозрачная башка с белыми глазами, качаясь, поплыла над мостом. И Лесовик сказал с удовольствием:

— Нет, с ним еще придется подраться. До чего же упрям — это просто красота!

ДРУЗЬЯ

Владимир Орлов

Друг на друга
Так похожи
Пароход и капитан.
Для друзей
Всего дороже
Синий, синий океан.
Свищет ветер
Возле рубки,
Волны встали на дыбы.
У капитана дым из трубки,
У парохода — из трубы.

ВЕТЕР И МОРЕ

— Ветер,
Ты с морем не ладишь.
Что ты его
Не погладишь?
— Море со мною
Не ладит.
Злится,
Когда его глядят.

ПОДКОВА

Павел Карцев

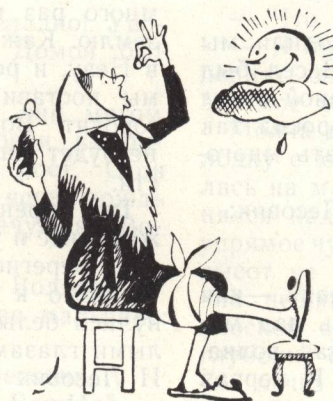
Вот счастье, так счастье! Не надо другого —
Антон на дороге увидел подкову.
Ребята смеются: — Ну что здесь такого,
Подумаешь, счастье — простая подкова!
Что верно, то верно — подкова простая,
Да только дороже, чем золотая.
Когда к ней добавить еще три подковы,
А к этим подковам коня вороного,
И конь по дороге помчится как ветер,
Поверьте, нет лучшего счастья на свете!

ДОЖДЯ НЕ БУДЕТ

Юрий Погорельский

— Видно, дождик будет, Лена:
У меня болит колено!
— Ну, а ты возьми, бабуля,
И прими свои пилюли!
Нить колено перестанет,
Сразу солнышко проглянет,
И обрадуются люди,
Что дождя совсем не будет!

ОТКРОВЕННЫЙ ОТВЕТ

— Посмотри, как день хорош, —
Поголял бы ты в саду!
— Не могу найти галош.
Вот найду — тогда пойду!
— Может, все же без галош
Ты, сынок, гулять пойдешь?
И тепло. И солнца свет.
Да и грязи нет в саду.
— Что с того, что грязи нет,
Я всегда ее найду!

Рисунки И. Казаковой

Я все время вожусь со словами. Я вслушиваюсь в слова, вглядываюсь в них. Изучаю их прошлое, их историю. Задумываюсь над их будущим.

Потому что слова — как птицы или разноцветные весенние насекомые — все время летают вокруг нас, рождаются на свет, живут полной жизнью, умирают или засыпают на время и снова оживают.

Есть такие слова, которые испытывают превращения, как бабочки или лягушки: сначала яичко или икринка; потом — некрасивая личинка или забавный головастик; потом — у бабочки — неподвижная куколка; и только наконец — радужный мотылек или какая-нибудь веселая ярко-зеленая, да еще умеющая менять цвет, квакша-древлолаз.

Про удивительные приключения насекомых и зверюшек вам много чего могут рассказать зоологи. Я не зоолог. Меня интересуют слова, человеческий язык. И, наблюдая за ними, я натываюсь на такие чудесные истории, что, *помоюму*, они не уступят ни зоологическим, ни ботаническим чудесам. Даже кибернетике.

Вот послушайте.

САНИ И ПОЛОЗЬЯ

Тысячи раз вы слышали и читали слово сани — зимняя повозка на полозьях. А ответьте на простейший вопрос: оно мужского рода, женского или среднего? Вот и застопорило!

Для вас это вопрос не существенный. Для меня, когда я был школьником в каком-нибудь 1910-м году, он имел немалую важность. Если «сани» рода мужского, я должен был писать «легкие сани». Если женского или среднего — «лег-

* Лев Успенский * РАССКАЗЫ * ПРО СЛОВА *

кия». И за единственную ошибку на это правило в диктовке мне ставили три с минусом. И то еще если учитель — добряк.

Этого мало. Если «сани» — «дяденьки», про них надо было писать «они». Если — «тетеньки» — «оне». А вторая ошибка — верная «пара». Вот мы и крутились тогда: единственного-то числа от этого слова нет. Поди установи его род!

Рассуждать приходилось так: «кто? что? — сани; кого? чего? — саней!» Ага, попались, сачочки! «Ветвь — ветвь-ей, тень — тень-ей, ступень — ступень-ей». Похоже, что род — женский...

Но могло это рассуждение и подвести: «ячень — ячень-ей; день — дней...» Получается, дело не в роде слова, а в том, что в именительном единственного оно должно оканчиваться на «-ь», а не на «-н». «Сань», а не «сан»! Это уж наверняка: «сан» — было бы «санов», как «кабан» — «кабанов» или «капитан» — «капитанов».

Очень приятно, но от двойки это не избавляло: продиктуют невнятно «быстры сани», и сел в лужу — «быстрые» или «быстрыя»?

Вот почему я вздохнул с великим облегчением, когда, проходя славянский язык, напал в старой книге на строчку: «На змия и на сань лукавую». В этом древнем примере, как было пояснено, слово «сань» означало «змея».

Тут оно было явно женского рода: «сань»-то названа «лукавою», не «лукавым». Да, но при чем тут «змеи», если речь идет о салазках, о дровнях, о розвальнях, о кибитках?..

Однако выход у меня был, и я его нашел быстро. У каждой саней были полозья. Два полоза — по меньшей мере. А я прекрасно знал, что рядом с гадюками и ужами в нашей стране обитают и милые, неядовитые змеи — полозья. У меня у самого жили в террариуме два полоза; точь-в-точь как у саней!

Почему же деревянные лыжи под санями были названы в русском языке полозьями — полозами? Потому, что они — ползуны, как и безопасные для человека степные удавчики — полозья. Видимо, движение полозьев, скользящих по гладкому снегу, напоминало нашим предкам «походку» пресмыкающейся гадюки, ужа, любой змеи. Ползунов...

Но тогда — нет ровно ничего невероятного, что кто-то один называл зимние повозки «полозами», кто-то другой «санями», и так и так это имя значило «змеи».

А потом — слова «специализировались»: одно стало значить «все ездовые сооружения», другое получило значение: «его скользящие по снегу опоры».

Итак — слово «сани» первоначально значило «змеи». Единственное число к нему — «сань» — много столетий назад вышло из употребления.

А множественное число от слова «полоз» — первоначально «ползун», «змея», — тоже видоизменилось и разбилось на два: «полозы» — теперь только змеи; санная принадлежность — только «полозья» и очень редко «полоза». Кое-где в народных говорах...

Ну, уже теперь вы наверняка никогда в жизни не затруднитесь объяснить незнающему, какого рода слово «сани» и почему они так называются.

НЕУКЛЮЖИЙ ЧЕЛОВЕК

Если есть слово «неграмотный», то, значит, есть и слово «грамотный». Если вы говорите «неприятно», значит, вам известно слово «приятно»...

Вы говорите: «Фу, какой неуклюжий мальчишка». Как же тут? Это что: исключение из правила или имеется и словечко «уклюжий»?

Очень долго я был не то что уверен, в слепом убеждении, что верно первое: «неуклюжий» мы говорим, а никакого «уклюжего» не существует.

И вдруг, очень давно, читая рассказы А. И. Куприна, я натолкнулся в одном из них — он был про кошку и назывался «Ю-ю» — на такое:

...Писатель рассказывает, как трудно ему порою бывает подобрать самое верное, самое точное, самое выразительное слово. Бывает «царапаешь, царапаешь пером, вдруг не хватает какого-то нужного слова...» И тут приходит к писателю на его стол кошка Ю-ю, садится рядом, возле его пра-

вого локтя, собирается в теплый пушистый комок. И ему вдруг становится очень хорошо, очень уютно. «Я опять пишу быстро и с увлечением... Сами собою приходят ладные, уклюжие слова...» Милый рассказ!

Прочитав это впервые, я улыбнулся: выдумал же Куприн такое нигде не существующее словечко: наверняка, кроме него, никто никогда и не произнес ни разу такого!

Но некоторое время спустя, в стихах поэта — тоже дореволюционного — И. Северянина, я прочел обращение девушки к ее любимому:

Ты послушай меня, мой суразный,
Ты послушай меня, мой уклюжий!

Я рассмеялся: хитрец Северянин! Взял слова «несуразный» и «неуклюжий», всем известные, и, отбросив отрицание «не», делает вид, будто у нас говорят и просто «суразный» и «уклюжий». А ведь этого — нет! Никто, никогда таких слов не говорит, да и откуда бы им у нас взяться? Выдумщики эти поэты!

Но вот, совсем недавно, у нашего современника, поэта Евгения Евтушенко, мне попались такие строчки:
И руки ладные, уклюжие
Гребками волжскими гребли...

Это сказано про старого волгаря-бакенщика, зажигающего сигнальные огни.

Я призадумался. Не может быть, чтобы три разных лите-

ратора, в разное время, возможно, даже не зная друг про друга, как сговорившись, выдумали одно и то же несуществующее слово и согласно начали употреблять его в своем языке... А, кстати, если даже взять обычное «НЕуклюжий»... «Не» это «не»; это понятно. А вот оставшееся «уклюжий» — что же оно все-таки обозначает?

И я полез в словари, в особые, этимологические словари, которые объясняют не смысл, а происхождение слов, их «родословные». И в этих словарях я без труда нашел вот что. Я нашел-таки слово «уклюжий». При нем было написано так: «уклюжий» — смотри «уклюжий».

Я стал искать странное и незнакомое мне «уклюжий». Нашел «уклюжий» — узнал, что надо смотреть еще более незнакомое «клюдь». А в статье про «клюдь» было подробно рассказано, что оно значит на народных русских говорах «порядок, осанка, красота». В старославянском языке уже существовало слово «клюдити».

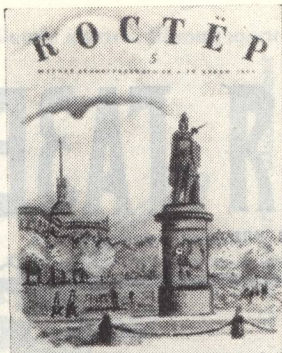
Вот видите, как осторожно надо судить о работе крупных писателей. Не следует про каждое встреченное у них незнакомое вам слово сразу ворчливо думать: «Ишь, придумал, выдумщик! Так никто и не говорит!»

У мастеров речи есть тонкое чутье к словам, и хорошее знание не только городской, а и деревенской, не только сегодняшней, но и старорусской речи. И в таких случаях при проверке обычно оказывается, что ошибку-то дали вы, а не они...

Я бы мог кое-что рассказать вам и о слове «суразный», но на первый случай хватит с вас и «уклюжего».

Рисунки С. Острова

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ «КОСТРА»

Мы благодарны тем художникам, и среди них художникам-„костровцам“, кто оставался в самые трудные месяцы блокады в Ленинграде и в своих набросках, рисунках, картинах рассказывал о суровой борьбе его жителей и защитников. Это — ценные свидетельства современников и участников героической обороны. Это своего рода военная летопись тех грозных дней.

Здесь приведены их рисунки, напечатанные на обложках нескольких блокадных номеров „Костра“.

Вы все знаете Владимира Михайловича Конашевича как автора прекрасных иллюстраций к книгам С. Маршака. Даже в блокадном Ленинграде он остался жизнерадостным сказочником. Смотрите, как бодро шагают на его рисунке милые девушки-дружинницы. Те самые девушки, которые разбирают завалы в разбомбленных домах, очищают город от снега, помогают больным (№№ 3—4, 1942 г.).

На другом рисунке (№ 5, 1943) В. М. Конашевича — Марсово поле. Оно необычное, вместо цветочных клумб — грудки.

Всю блокаду Владимир Михайлович неутомимо трудился в Ленинграде. Много рисовал, создал альбом по истории переливания крови, написал книгу, где блокадный дневник перемежается с воспоминаниями далекого детства.

...Художник Юрий Николаевич Петров — до войны художник-редактор Детиздата — сражался и в 1944 году погиб как солдат Ленинградского фронта.

На его рисунке (№№ 7—8, 1942) славные моряки-балтийцы огнем своей артиллерии готовы отразить налет гитлеровской авиации.

...Молодой художник Василий Николаев как бы продолжает эту тему: вот он — бой воздушного гитлеровского пирата с советским кораблем (№ 4, 1943). Метко бьют моряки — фашист падает в клубах черного дыма.

Жертвой одного такого налета стал и сам художник. Он погиб в Ленинграде от вражеского осколка.

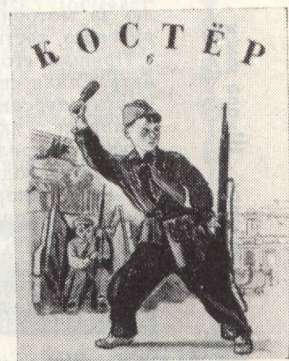
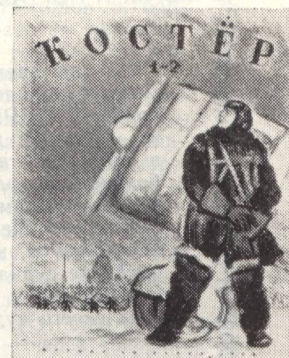
...Художник Теодор Певзнер знакомит нас с мужественным летчиком, одним из тех, кто защищал небо Ле-

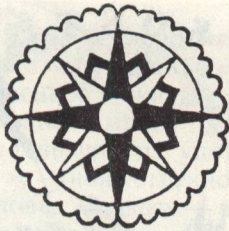
нинграда (№№ 1—2, 1942). В летной меховой одежде советский ас всматривается туда, откуда может возникнуть опасность. Вся фигура летчика как бы говорит: «Победа будет за нами!»

Но сам художник не дождался дня победы... Он погиб в Ленинграде, не перенеся тягот блокады.

...Большой мастер детской книги Алексей Федорович Пахович рассказывает о детях осажденного города. Вот радостная сценка (№ 3, 1943) — ребятам посчастливилось: получили весточку.

Алексей Федорович работал всегда и всюду. Рисунки его блокадного альбома — это история борьбы и героизма ленинградцев. Даже юных, вот таких, с пионерским галстуком, которые учились владеть винтовкой, бросать гранату (№ 6, 1943 г.).

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания двенадцатый

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

Не так давно в Ленинграде закрылась международная выставка рыбной промышленности ИНРЫБПРОМ-68. Советский Союз — главная держава рыбаков: ни у кого в мире нет так хорошо оснащенного рыболовецкого флота, который плавал бы под всеми широтами.

Уходя из Ленинграда, Геннадий Тимофеевич Ефимов, капитан самого большого на выставке судна «Иероним Уборевич», оставил читателям «Морской газеты» памятный знак своего судна и такую записку:

Дорогие читатели
журнала "Костер"

Желаю вам

хорошо учиться,

много читать, не бросать якорей

на половине пути.

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги

Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги

ЯКОРЬ ЧИСТ

Один курсант плавал на учебном катере. Первую неделю за моториста, вторую — за рулевого, третью — за боцмана.

Пришла его очередь боцманить. Стали сниматься с якоря. Крутит курсант брашпиль, вытаскивает якорь из воды. Стук! — ударился якорь о борт. Вышел из воды.

— Как якорь? — крикнул с мостика старшина.

— Н-ничего, — отвечает курсант.

— Посмотри, голова садовая, чист или нет?

Курсант заглянул за борт. — Грязный! Старшина уже мчался к нему.

— Какой же он грязный! — сказал старшина и посмотрел на курсанта вниз. — Якорь чист! — крикнул он рулевому.

Катер затарахтел мотором и начал описывать циркуляцию от берега.

— Товарищ старшина, — сказал курсант, — ну как же якорь чист? Смотрите, сколько на нем грязи.

— Чистым называется якорь, который не поднял со дна ничего опасного: кабелей или чужих цепей, — ответил старшина. — Чист, значит — можно плыть.

Он помолчал и добавил. — А грязь смоешь. Возьмешь ведро. Поливай, пока не

будет... — он запнулся. — Ну, в общем, блестел чтобы. Сам понимаешь.

Слово «чистый» он сказать побоялся.

НАДПИСИ НА НАБЕРЕЖНЫХ

Вы замечали в портах или на берегах рек надписи: «Не бросать якорей!»? Надписи, сделанные огромными черными буквами. И спрашивали, что это значит?

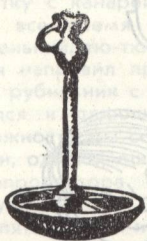
Обычно объясняют: в этом месте лежит на дне телефонный или телеграфный кабель.

А вот один боцман, приятель нашего Румпеля, объяснял надпись так: «не бросать якорей» — значит никогда не услокаиваться и не останавливаться, как бы ни было трудно.

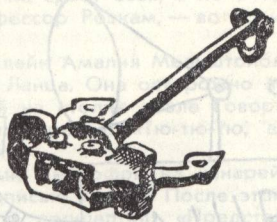
Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги

Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги . Школа юнги

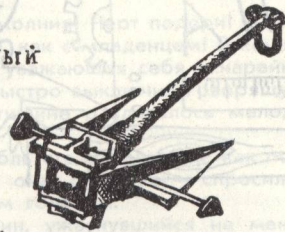
КАКИЕ БЫВАЮТ ЯКОРЯ

ГРИБОВИДНЫЙ ЯКОРЬ

ЯКОРЬ Холля

ЯКОРЬ Матросова

«МЁРТВЫЕ» ЯКОРЯ

ВИНТООБРАЗНЫЙ ЯКОРЬ

Адмиралтейский ЯКОРЬ

ОТВЕТ НА ЗАГАДКУ

Смотри «Морскую газету» № 12
Морские знатоки!

Заканчивается ваш конкурс 68-го года. Впереди идут: *Смирнова Ира* (Ленинград), *Заболоцкий Володя* (Донбасс), *Ленчугов Володя* (Курская обл.), *Колобов Женя* (Ульяновск), *Иванов Виктор* (Ангарск), *Кузнецов Валерий* (Челябинск), *Петров Саша* (Ленинградская обл.), *Сальников Саша* (Свердловская обл.), *Михайлов Саша* (Каменск-Уральский), *Нафтульев Игорь* (Ленинград), *Черепанова Лариса* (Юрга), *Петрик Ира* (Шахтинск).

Победителей мы сможем назвать в мартовском номере, после получения всех писем.

Однажды капитан Быстроходов и боцман Румпель слушали рассказ человека, который, по его словам, только что вернулся из плавания в Атлантику.

— Назначили меня на большой рыболовецкий траулер, — рассказывал человек. — Вышли мы из Калининграда, прошли проливом Ла-Манш, оказались в Северном море. Тут до океана и рукой подать. Вылез я как-то ночью на палубу. Тихо, над головой звездное небо — Полярная звезда, Южный крест... Вдруг вижу — впереди что-то белеет. Присмотрелся, а это приливная волна. Идет, рокочет. Подняла судно и — на мель. Посадила, ушла. Ну, ничего, думаю, приливы тут частые — через час снимемся...

— Стоп, стоп! — сказал капитан Быстроходов. — Слушать вас не имеет смысла: в этом плавании вы не были.

— Пожалуй! — согласился боцман Румпель. — В десяти фразах — четыре ошибки. Плавали ли вы вообще когда-нибудь?

Морские знатоки! О каких ошибках говорят моряки?

— На выставке был?

— Был.

— Видал, какие красавцы суда стояли? Один «Иероним Уборевич» чего стоит. Целый год может в море плавать. Добывает крабов, рыбу, сам из них консервы делает. Мореходный, удобный — на нем и кинозал, и библиотека, и судовой клуб, и магазин, и парикмахерская — целый плавучий город.

— Да, вот только называть по-хорошему такие суда не научились. Ну, что такое: краборыбоконсервный плавучий завод! А раньше какие названия судам давали: каравелла, коч, дубок, неф, клипер. Красота!

— Не все сразу. Научимся. А и верно — белый лебедь плывет, а его плавучим заводом кличут!

Джеймс Крюсс

Рисунки М. Беломлинского

Дом № 7 по Луизиной улице выглядит снаружи как все другие дома. Дом имеет подвал, над которым возвышается три этажа, а под крышей есть еще мансарда. Штукатурка на доме кое-где отвалилась, точно так же, как на соседних домах.

Глядя на этот дом, никак не скажешь, что за его стенами может случиться что-нибудь необыкновенное.

И все же это так!

В доме № 7 случилось нечто даже совершенно чудовищное.

Но прежде чем обо всем рассказать, я должен представить вам обитателей дома. Начнем сверху.

Под самой крышей дома, на мансарде, проще называемой чердаком, живет фрейлейн Амалия Мельштойбль. Она очень стара и очень одинока. Для компании она держит канарейку. Канарейку звать Марио Ланца, потому что у нее отличный голос — колоратурное сопрано.

Этажом ниже живет семья Шайбль. Мать, отец и пять дочерей. Старшую зовут Клара, ее рост один метр семьдесят сантиметров. Младшая, которую зовут Нанна, едва достигла семидесяти сантиметров. В этой же квартире еще живет мышка, по прозвищу Запятая. Но об этом знает только один-единственный член семьи Шайбль — кто, вы узнаете позже.

На втором этаже живет художник по фамилии Берингер. У него поселилась кошка, которая всегда залезает в окно с крыши соседнего дома. Господин Берингер зовет ее Агляя. Она может приходить и уходить, когда ей вздумается. Для этого художник всегда держит форточку открытой.

На первом этаже живет мясник Румкоп. Его жену звать Луиза: так же, как и улицу, на которой стоит дом № 7. Собаку мясника звать Аякс. Так же, как и многих других овчарок.

Но самые главные герои нашей повести живут в подвале: профессор Розкам и его племянник Мартин.

Профессор Розкам изучает животных. Он занимается речью животных и птиц. А его племянник Мартин — на-

стоящий изобретатель и мастер на все руки, несмотря на свои тринадцать лет. С помощью дяди он сконструировал Машину, которая стоит в столовой — как войдешь, сразу за дверью.

Давайте рассмотрим эту Машину поближе: ясно, что ее приводит в действие электричество — это видно по проводам, которые идут к розетке. Но это не столь важно.

Самое важное в Машине — это множество рычагов и громкоговорителей. И микрофоны. Если вы внимательно приглядитесь, то увидите на рычагах и громкоговорителях маленькие картинки, на которых нарисованы разные птицы и животные: петух, курица, птица, мышь, кошка. На других нарисованы буквы: «фр.», «нем.», «лат.», «англ.», «русск.».

Объясняется все просто: микрофонов, как вы видите, только два. Один микрофон предназначен для людей, другой — для животных. В левый микрофон, предназначенный для людей, вы можете наговорить все, что хотите — на русском, французском, латинском или любом другом языке: как вам будет угодно! В правый микрофон можно лаять, мяукать, свистеть или рычать. В зависимости от того, что вы за животное.

Теперь начинается самое главное: все, что вы наговорили, Машина тут же переведет на любой другой язык — достаточно повернуть рычаг! Например: вы произносите в левый микрофон какую-нибудь фразу. Допустим: «Огурцы в этом году очень дороги!» После этого вы поворачиваете рычаг, на котором нарисована собака, и в тот же момент из собачьего громкоговорителя раздается перевод:

«Гав гургав огургав гавав гав гав!»

Или вы попросите какую-нибудь мышь пропищать что-либо в правый микрофон, например:

«Пишка, мияя пидьма!»

После этого вы поворачиваете рычаг с надписью «русск.», и в тот же момент раздается перевод из русского громкоговорителя:

«Кошка Агляя — ведьма!»

Удивительная машина, которую сконструировал Мартин с помощью своего дяди — это Говорящая Машина!

Первый раз Машина была испробована в понедельник на прошлой неделе. Профессор Розкам пригласил на эти испытания всех жильцов дома, вместе с их домашними животными. Но не сразу всех, а по очереди, «кибо», — как говорит профессор Розкам, — во всем необходим метод!»

Первой появилась фрейлейн Амалия Мельштойбль со своей канарейкой Марио Ланца. Она осторожно поставила клетку с канарейкой на столик возле Говорящей Машины, все время приговаривая: «Тю-тю-тю, ах ты мой миленький, тю-тю-тю!»

Мартин направил правый микрофон на канарейку и включил рубильник с надписью «нем.». После этого он повернулся к дядюшке и прошептал: «Представляю, какие нежности мы сейчас услышим!»

Мартин, однако, ошибся.

Из репродуктора вдруг захохотало так, что все вздрогнули:

«Проклятье! Гром и молния! Черт подери! Доколе со мной будут обращаться, как с младенцем! В конце концов, я уже взрослая и уважающая себя канарейка!»

Профессор Розкам быстро выключил Говорящую Машину. В наступившей тишине раздавалось мелодичное щебетанье канарейки.

Фрейлейн Мельштойбль стояла бледная, как полотно. «Что это? Неужели она ругается? — спросила старушка тихим дрожащим голосом.

«Да, — ответил Мартин, ужаснувшийся не менее самой хозяйки, — она отлично ругается!»

«Откуда это у нее?» — рассеянно спросила старая дама.

«Во всяком случае, не от меня, — сказал профессор Розкам, — очевидно, она научилась этому у воробьев!»

Канарейка, между тем, продолжала щебетать как сумасшедшая. Она хотела, чтоб ей опять дали слово.

Тогда Мартин подошел к клетке и сказал: «Если ты нам обещаешь, что будешь говорить разумно и перестанешь ругаться, Машина переведет твои замечания. Договорились?»

Птица продолжала невозмутимо чирикать. Только тогда Мартин вспомнил, что канарейка его не понимает, что нужно сначала перевести ей человеческую речь с помощью Машины. Он повторил свое предложение в левый микрофон и повернул рычаг птичьего перевода.

Машина оглушительно защебетала:

«Ви, да фи пици ри!..»

Канарейка сейчас же замолчала, внимательно выслушала перевод и кивнула головой.

Мартин переключил рычаги, и Машина перевела все, что канарейка нащебетала в правый микрофон. Означало это следующее:

«Уважаемая Амалия Мельштойбль! Вы пригласили меня на роль певички, не так ли?»

«Да», — прошептала Амалия.

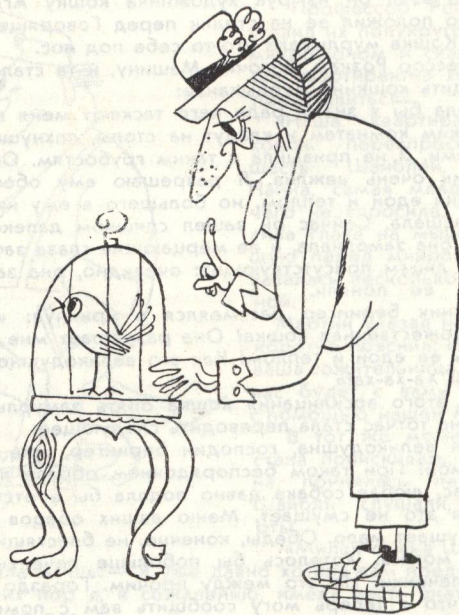
«За это я получаю два раза в день птичий корм и два раза воду; кроме этого, вы раз в неделю чистите мою клетку. Это верно?»

Фрейлейн смущенно кивнула головой.

«Вы дали мне имя Марио Ланца, — продолжала канарейка, — это имя обязывает. Поэтому я стараюсь и извлекаю из своего горла наилучшие звуки. Это так?» — продолжала канарейка.

Фрейлейн Мельштойбль молча кивнула.

«Теперь слушайте меня, моя дорогая, — продолжала канарейка. — Если верно все, что я тут говорила, то справедливо ли обращаться со мной, как с грудным ребенком? Считаете ли вы, что это правильно, обра-

щаться ко мне — пре-крас-ней-шей певичке! — на «ты» и без конца говорить мне «тю-тю-тю?»

Бледная фрейлейн затрясла головой. Она лишилась речи. Это канарейке понравилось. Она удовлетворенно кивнула и продолжала:

«Так как мы достигли полного согласия в отношении обращения со мной, я хочу в благодарность спеть вам одну песню, которую я как-то сочинила и положила на музыку специально для вас!»

И канарейка Марио Ланца запела:

Храню я в горле нежный звук!
Возьму любую ноту!
Должны за это все вокруг
Ценить мою работу!
А иначе едва ли я
Открою клюв, Амалия!
Кормежки стоит голос мой,
А имя стоит пеня!
За что я летом и зимой
Достойна уваженья!
А иначе едва ли я
Открою клюв, Амалия!

Профессор Розкам кашлянул и выключил Машину. Птица замолчала, фрейлейн тоже молчала. Мартин смущенно переступал с ноги на ногу.

К счастью, в этот щекотливый момент в дверь постучали, и в комнату вошел художник Берингер. На руках он держал кошку Аглаю.

Художник сейчас же обратился к фрейлейн Амалии:

«Ну, как машина — не опасна?»

Вопрос привел старушку в чувство, и она защебетала сладким голосом:

«Совершенно прелестная машина, господин Берингер! Безобидная, совершенно безобидная!»

После этого она схватила клетку с канарейкой и выскользнула в коридор. Однако можно было слышать, как она сказала, затворяя за собой дверь:

«Вы были крайне бестактны, Марио Ланца! Радуйтесь, что я не ябеда!»

«С кем она там разговаривает?» — спросил художник. «С канарейкой», — ответил Мартин.

Молча взял он из рук художника кошку Аглаю и бережно положил ее на столик перед Говорящей Машинкой. Кошка мурлыкала что-то себе под нос.

Профессор Розкам включил Машину, и та стала тихо переводить кошачьи мурлыканье:

«Хотела бы я знать, ради чего таскают меня по диким чужим комнатам и кладут на столы, пахнущие канарейками. Я не привыкла к таким грубостям. Обычно художник очень вежлив. Я разрешаю ему обеспечивать меня едой и теплом, но большего я ему никогда не разрешала. Сейчас он зашел слишком далеко».

Вдруг она замолчала, и ее мерцающие глаза заскользили по лицам присутствующих: очевидно, она заметила, что ее поняли.

Художник Берингер рассмеялся и крикнул: «Разве это не божественная кошка? Она разрешает мне обеспечивать ее едой и теплом! Как это великодушно с ее стороны! Ха-ха-ха!»

После этого восклицания кошка опять замурлыкала, и Машинка тотчас стала переводить следующее:

«Что я великодушна, господин Берингер, мне известно самой! При таком беспорядочном образе жизни, как у вас, любая собака давно подала бы в отставку! Но меня это не смущает. Меню ваших обедов меня тоже смущает мало. Обеды, конечно, не блестящие, но терпеть можно. Хотелось бы побольше печенки. Телячьей печенки. Но это между прочим. Гораздо важнее то, что я теперь могу сообщить вам с помощью этой Машинки, а именно: в ваших картинах вы употребляете слишком много красной краски! Вы накладываете ее на холст слишком толстыми мазками! С красной краской надо обходиться осторожнее и бережливее, мой дорогой, намного бережливее!»

Художник наморщил нос и поднял кверху брови. Мартин хотел было переключить Машинку на перевод человеческой речи, чтобы художник обратился к кошке, но Аглая предупредила Мартина. Она сказала:

«Я понимаю человеческую речь. Можете отвечать мне просто так, без помощи Машинки».

«Хорошо, — сказал художник. — Тогда я вам отвечу! Почему я так часто употребляю красную краску? Во-

первых, потому, что это не ваше дело! Во-вторых — красная краска, как вам известно, это цвет жизни...»

Но его слова были прерваны грохочущими шагами, кто-то спускался по лестнице.

«Это мясник Румкоп со своей овчаркой», — сказал профессор Розкам. После этого он обратился к Аглае и художнику Берингеру и предложил им отложить на время спор о красной краске. Ибо сейчас назначен визит господина Румкопа с собакой, а во всем необходимо, в конце концов, соблюдать метод.

«Хорошо, — сказал художник. — Тогда мы придем завтра в это же время!»

Аглая тотчас принялась мяукать, и Машинка перевела: «Завтра у меня в это время свидание на соседней крыше. Может быть, нам удастся собраться здесь послезавтра? Примерно около трех часов ночи».

«Меня устраивает», — бодро сказал художник.

«Тогда возьмите себе ключи от моей квартиры, — сказал профессор Розкам. — Потому что мы в это время спим».

«Как обращаться с Машинкой, я вам объясню завтра», — добавил Мартин.

В это время открылась дверь, и в комнату вступил Аякс — немецкая овчарка — со своим господином на поводке.

Аглая равнодушно скользнула мимо собаки к выходу. Оба прекрасно знали друг друга и считали смехотворным ссориться на удовольствие людям.

«Ну, маэстро Берингер, — громко крикнул мясник, — что вам рассказала эта чудо-машинка?»

Художник сначала смерил взглядом собаку, потом мясника и сказал: «Приготовьтесь кое к чему, господин Румкоп!»

После этого он последовал за кошкой, тихо притворив за собою дверь.

Мясник был озадачен:

«К чему это мне надо приготовиться?» — спросил он. «Может быть, к тому, что вы услышите от собаки», — сказал Мартин.

«Наша Машинка в состоянии перевести собачий лай в благородное звучание человеческого языка», — сказал профессор Розкам.

Румкоп засунул два пальца за воротник рубашки:

«Так, так!» — пробурчал он.

После краткого размышления он, наконец, объявил: «Ну, хорошо! Давайте начнем, чтобы поскорее кончить! Где должна встать собака?»

«На этот стол, пожалуйста!»

«Порядок!» — мясник положил свою волосатую руку на стол и скомандовал:

«Аякс, хоп!»

Пес вспрыгнул на стол. Там он улегся, наострил уши и внимательно глядел на Румкопа.

«Теперь ваша очередь!» — обратился мясник к профессору.

Но Мартин опередил своего дядю. Он включил Машинку и сказал собаке:

«Ну, Аякс, расскажи нам что-нибудь!»

Пес только мельком взглянул на Мартина. Оставаясь немой, он не отрывал глаз от хозяина.

Тогда в беседу включился профессор Розкам. Он сказал в человеческий микрофон: «Аякс, послушай-ка меня! Если ты хочешь сообщить хозяину о каких-нибудь своих просьбах или пожеланиях, ты можешь сейчас это сделать!»

Машинка перевела эти слова на собачий язык, и Румкоп утвердительно кивнул головой.

Только теперь Аякс отреагировал на слова профессора, переведенные Машинкой. Навострив уши, он еще раз посмотрел на хозяина и залаял.

Мартин снова переключил Машинку. Начало собачьей речи пропало. Но смысл ее все поняли. Аякс сказал:

«... привык повиноваться, когда я получаю ясные и четкие приказы. Это делает Румкоп».

После этих слов мясник весь просиял. Пес продолжал:

«Он мог бы давать мне побольше мяса. Но, очевидно, он беспокоится о моей фигуре. Поэтому я на него не обижаюсь».

Румкоп крикнул: «Ну? Пожалуйста!» — и просиял еще сильнее. Пес продолжал:

«Во время прогулок он держит меня на очень коротком поводке. Но это потому, что я должен идти в ногу с хозяином. Значит, это мне же на пользу!»

На этот раз мясник крикнул от удовольствия, ударив себя по ляжкам. Пес продолжал:

«В лавке я должен часами лежать под столом. Но, очевидно, я должен научиться терпению. Так что я на это тоже не жалуюсь».

Пес перестал лаять, Машина замолчала, а профессор и Мартин смотрели на собаку, покачивая головами. Румкоп же был вне себя от гордости. «Ну! — крикнул он. — Что я вам говорил? Это ли не разумная собака? Она знает, что ей надо!»

«Нет, она знает, что вам надо», — возразил профессор Розкам.

«Это одно и то же!» — рассмеялся мясник.

После этого он крикнул: «Хоп, Аякс!» — и, когда пес спрыгнул, взял его на короткий поводок, ткнул ему пальцем в лоб и покинул озадаченных изобретателей Говорящей Машины.

«Загадочная собачья душа!» — сказал Мартин.

«Для меня, как для исследователя животных, все это чрезвычайно интересно!» — сказал профессор.

В этот момент послышался писк.

Оба огляделись. Они подумали, что это Машина — что в ней что-то неисправно... Но это была не Машина. Это была мышь. Она сидела на столе и указывала передними лапками на микрофон.

«Еще один клиент», — вздохнул Мартин. После этого он включил рычаг для мышей.

Мышь запищала, и из Говорящей Машины раздался вопрос:

«Можно мне теперь говорить?»

Когда профессор кивнул, мышь сказала: «Я совершенно случайно подслушала разговоры между жильцами дома и домашними животными».

«Случайно никогда не подслушивают», — вмешался Мартин. Но мышь его не поняла. Она продолжала: «Если вы разрешите, я тоже хотела бы поговорить со своими людьми».

Мартин переключил Машину и спросил: «Кто ваши люди?»

«Мои люди, — ответила мышь после переключения Машины, — мои люди носят фамилию Шайбль, третий этаж. Я являюсь у них домашним животным. Но об этом знает только один член семьи Шайбль. Поэтому я и хочу представиться всем членам семьи. Это возможно?»

Профессор кивнул и послал Мартина на третий этаж. Спустя некоторое время вся семья Шайбль, предводительствуемая Мартином, спустилась в подвал: мать, отец и все пять дочерей.

Профессор Розкам поставил их полукругом перед микрофоном и сказал: «Ваша квартирантка хочет вам представиться».

«Наша квартирантка?» — хором переспросили все шесть Шайблей. Только Нанна, самая младшая, ничего не спросила. Она скосила глаза на мышку, стоящую перед микрофоном, и казалась несколько смущенной.

Мартин указал на мышку и коротко пояснил: «Вон сидит ваша сожительница. Она сейчас будет с вами говорить с помощью нашей Машины».

В тот же момент мышь стала попискивать, а Машина принялась переводить. Шайбли слушали, разинув рты.

«Милая семья Шайбль! — сказала мышь. — Я уже давно хотела вам представиться. До сих пор я, к сожалению, имела честь знать только одну из вас...»

«Одну из нас?» — спросили шесть Шайблей и растерянно оглядели друг друга. Только Нанна смотрела в пол. Но никто не обратил на это внимания, ибо мышь продолжала говорить и привлекала к себе внимание всех.

«Так как я происхожу из очень знатной семьи, — продолжала мышь, — я хочу представиться вам стихами. Порой стихами выразиться легче, нежели прозой».

Профессор Розкам одобрительно кивнул, мышь только немножко откашлялась и начала декламировать:

Я мышка не простая,
И хвостик мой не прост:
Зовусь я Запятая,
Крючком висит мой хвост.
Люблю я сыр и сало!
Весь век мышинный свой
Я тихо коротала
В холодной кладовой.
Но не возьму без спроса
Я даже горстки проса:
Есть девочка — Нанна —
Мне все дает она!
Подарит мне кусочки
С любой сковороды...
Спасибо вашей дочке —
Не знаю я нужды!
Но страшно мне немножко,
Что среди бела дня
Иль ночью злая кошка
Вдруг слопаёт меня!

Когда мышь кончила, профессор Розкам захлопал в ладоши, его примеру последовал Мартин и все Шайбли. Особенно громко захлопала Нанна, все время осторожно поглядывая на родителей.

Мышь Запятая отвесила всем лыстивый поклон. Мартин опять переключил Машину, и господин Шайбль, глава семьи, сказал в человеческий микрофон:

«Милая фрейлейн Запятая! К сожалению, я не умею говорить стихами. Но и в прозе сумею вас заверить, что с сегодняшнего дня мы с радостью будем считать вас нашей шестой девочкой! Принимаем вас в нашу семью! Нехорошо поступала до сих пор Нанна, скрытая от нас ваше милое общество!»

«Я же не могла знать, что вы любите мышей!» — крикнула Нанна.

«Да, теперь ты это знаешь!» — рассмеялась фрау Шайбль. Она приблизилась к мышке, протянула ей руку и та, вспрыгнув на ладонь, весело перебежала по руке на плечо.

В наилучшем настроении, обретя нового члена семьи, покинули Шайбли подвал и поднялись к себе на третий этаж.

Профессор Розкам закрыл за ними дверь и сказал Мартину: «День был чрезвычайно интересным!»

К сожалению, впереди их ожидало нечто еще более интересное. В полночь за дверью раздался оглушительный лай, и когда заспанный Мартин, одетый в пижаму, открыл дверь, в комнату влетел Аякс, вспрыгнув на стол перед Говорящей Машинкой и требовательно посмотрел на мальчика.

Мартину не оставалось ничего другого, как включить Машинку. Мартин узнал от собаки, что мясник Румкоп спятил (во всяком случае — по утверждению Аякса). Ибо Румкоп потребовал от пса, чтобы тот доказал свое послушание новыми штуками: ходил бы на задних лапах, прыгал через спинку кухонного стула и приносил ему по первому требованию ночные туфли. Пес был очень обязательным существом, но тут он решил, что хозяин зашел чересчур далеко. Он требовал немедленных переговоров с хозяином. С помощью Говорящей Машинки.

С большим трудом удалось Мартину успокоить собаку, обещав ей устроить переговоры на следующий день. Когда мальчик, наконец, улегся в кровать, он услышал душераздирающий кошачий концерт под окнами спальни. Профессор Розкам тоже проснулся, зажег свет, открыл окно и в ужасе отпрыгнул назад. В окно, как сумасшедшая, влетела кошка Аглая. Она промчалась через всю спальню и остановилась перед дверью, ведущей к Говорящей Машинке, отчаянно мяукая. Когда Розкам ее впустил и включил, зевая, Машинку, Аглая сообщила, шипя и фыркая, что какой-то ловчий поймал ее знакомого кота. Необходимо что-то предпринять, и немедленно.

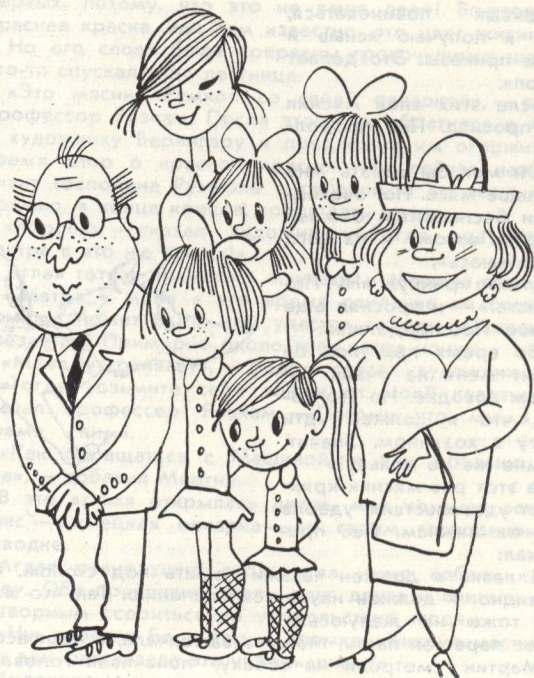
Пока Аглая возбужденно мяукала перед Машинкой, в раскрытое окно влетели еще четыре котенка. Они беспрепятственно ворвались в квартиру и стали одновременно хныкать, ныть, брюзжать и орать в микрофон для животных. Измученный профессор все-таки понял, что они жаловались на ночного сторожа, который выгнал из подвала в холодную ночь трех кошек-сироток. Надо сейчас же вернуть сироток в погреб! — требовали котята.

Профессор Розкам поступил, как Мартин: он стал успокаивать кошек, как мог, и обещал им все уладить завтра.

Но едва он улегся, как раздался резкий свист, разбудивший его и племянника. На этот раз перед ними предстало пятеро мышат, чья тетя — мышь Мицца — попала в мышеловку. Тут терпение обоих мужчин лопнуло.

Они послали мышей к черту, тщательно закрыв все окна и двери, и нырнули в свои перины, закутавшись в них с головой.

Они и не подозревали, что одна из мышей, рассерженная суровым приемом, снова про-

никла в комнату через дырку в полу и вскарабкалась на Говорящую Машинку.

И хотя мышь ничего не понимала в технике, она все же перегрызла зубами самое сердце Машинки — так называемый координатор, сделанный из струн и палочек красного дерева.

На следующее утро перед дверью профессора собралась огромная толпа: квартиру осаждали кошки, собаки и газетные репортеры. Перед окнами щebetали стаи птиц, тоже стремившихся проникнуть к Говорящей Машинке. Но... Говорящая Машинка молчала — она не работала!

Профессор Розкам, который хотел быстренько испытать Машинку перед завтраком, первым заметил неисправность. Каждый раз, когда он пускал ее в ход, изо всех репродукторов несло нечто невообразимое, совершенно непонятное, какая-то тарабарщина на всех языках сразу: «Пиэшка ви ди фи брадала да зер гут невозможно пийяя оревуар мяу тирили тиктак медуна аналогично!»

Профессор вздохнул тяжело, но вместе с тем с облегчением, и выключил Машинку. Потом он сообщил своему племяннику, а также всем кошкам, собакам и репортерам, что Машинка больше не функционирует. Конечно, ни люди, ни животные этому не поверили; но когда они все вошли в квартиру и услышали непонятное бормотанье громкоговорителей, они вынуждены были этому поверить — хотели они этого или нет! Удрученные, отправились они восвояси.

Мартин мог наконец передохнуть. Несмотря на то что он несколько месяцев работал над этой Машинкой, конструируя ее, он был теперь рад, что она сломалась.

«Если бы мы справедливо отнеслись к пожеланиям всех животных, мир повернулся бы с ног на голову! — вздохнул Мартин. — К этому мы с тобой, дядюшка, не приспособлены! Отнесем-ка лучше Машинку в погреб».

«Нет! — возразил профессор. — Именно сейчас Машина стала действительно интересной!»

«То есть как?» — озадаченно спросил Мартин.

«Сейчас она расскажет о себе самой; причем, она говорит на языке, включающем в себя элементы речи людей и животных».

«Но ее же никто не поймет!»

смешивать то (русский) — смешивать то, наар цийин натур (голландский) — что по своей природе кррбрррррк (индюшиный) — смешению не поддается (русский) — не поддается. Мартин напряженно смотрел через дядино плечо. «В этом есть какой-то смысл!» — сказал он наконец.

«Во всем необходим метод, уважаемый господин племянник!» — возразил профессор Розкам. После этого он включил рубильник и стал записывать речь Машины. Машина сказала:

«Энималс эт попули леввер пиепс гукурук ви кукареку смешивать то наар цийин натур никак не кррбррррк не поддается!»

«Чепуха какая-то!» — рассмеялся Мартин.

Но ученый дядюшка взял листок бумаги и переписал на него аккуратным столбцом все слова и их перевод. Получилось следующее:

энималс (английский) — животные
эт попули (латинский) — и люди
леввер (фризский) — живут
пиепс (канареечный) — своей
гукурук (голубиный) — собственной
ви (французский) — жизнью,
кукареку (петушиный) — не надо

«В этом заключен даже очень разумный смысл», — подтвердил профессор Розкам. После этого он взял кусок мела и написал на Машине всю фразу:

«Животные и люди живут своей собственной жизнью, не надо смешивать то, что по своей природе смешению не поддается».

Этим мудрым изречением кончается история Говорящей Машины. Ибо больше она ничего не сказала.

С тех пор она молчит.

Профессор Розкам и его племянник Мартин на этом успокоились. Они занялись изобретением какой-то другой машины.

И все животные и все птицы в доме № 7 по Луизианской улице тоже довольны. Они остались сами по себе, и люди остались сами по себе, и все следят за тем, чтобы оставаться друг с другом в более или менее нормальных взаимоотношениях.

И это, пожалуй, самое разумное.

Перевел с немецкого Юрий Коринец

ОТКРЫТКИ из АФРИКИ

Инженер Петр Григорьевич Войцеховский долгое время работал в Африке. Оттуда он присылал своей дочке яркие цветные открытки со смешными надписями на обороте.

А для себя он вел дневник, тоже немножко похожий на надписи на открытках: каждый день — несколько строчек о самом примечательном.

С разрешения Петра Григорьевича и его дочки мы объединили открытки и дневник. Получилась маленькая повесть.

В одном из африканских государств строится цементный завод. Советских инженеров просили помочь строительству.

Раньше чем начинать строить, нужно сделать проект, а чтобы его сделать, нужно разведать местность, решить, как вести дороги и где строить мосты.

Мы — изыскатели. Завтра мы отправимся в саванну по пути Пятнадцатилетнего капитана.

Помните удивленный возглас кузена Бенедикта: «Муха це-це в Южной Америке?!»

Так вот, эта самая муха была здесь бедствием. Сонная болезнь, которую вызывали ее укусы, считалась неизлечимой.

Теперь придумана замечательная сыворотка против сонной болезни. Сейчас нам делают уколы.

Автобус безжалостно мчит нас навстречу неизбежному. «Споем?» — предлагает Павел. Мы мрачно молчим.

Первым повели за ширму нашего начальника. Некоторое время там была тишина. Потом послышалось участливое «Са ва?» фельдшера и тяжкий вздох Олега Анатольевича. Еще минут через пять его повели и посадили на табуретку. Он был бледен.

Следующим вошел я. «Са

ва?» — спросил фельдшер после укола. «Са ва», — ответил я и потерял сознание.

Георгий Михайлович сказал, выходя из помещения амбулатории: «Поразительно! Вторым раз делаю — и так легко переночу. Пойду посмотрю, как там остальные».

Тут же он рухнул на пол и его приводили в сознание минут пятнадцать. В автобус он сел зеленый, как молодая травка. «Споем?» — спросил я его. Он с отвращением отвернулся.

Сперва поездом, потом автобусом. И вот, уже в сумерках, — река Сенегал.

Вода кипит на порогах, деревья спускаются к самой воде.

Непонятные звуки, шорохи, хлопанье крыльев. Между нами и ночью тонкая москитная сетка, по которой ползают фаланги. Ослепительно сверкают звезды.

Утром отправляемся на место, выбранное для основного лагеря.

Там уже идет расчистка площадки.

В руках у рабочих топоры с узким клиновидным лезвием,

Одеты рабочие в рваные просторные накидки и такие же брюки, некоторые босы, а на остальных легкие пластмассовые сандалии.

Здороваемся, пожимаем множество рук.

На нижней террасе, ближе к воде, строим кухню и столовую, на верхней — делаем склады и ставим раскладушки.

Из дупла дерева выскакивает перепуганная шумом мангуста и удирает навсегда. Жалко: там, где живет этот маленький шустрый зверек, змей никогда не бывает.

Между табором и деревней (она в полутора километрах) устраиваем склад горючего в бочках. Склады для продуктов делаем из плетеных циновок.

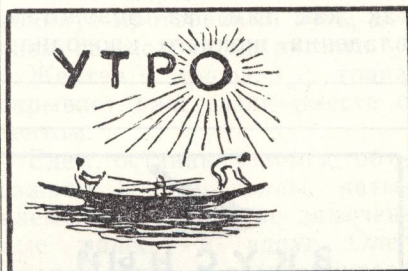
Устанавливаем электростанцию, делаем спуск к реке, строим мостки. Наконец, все готово для жилья и работы: и душ есть, и столы.

Слева стена, справа — обрыв. Двум грузовикам едва есть где разъехаться. Дорогу перебегают пальмовые крысы, на скалах сидят и смотрят на автобус обезьяны.

Они бродят здесь огромными стадами, большие, лохматые, и однажды наш гидролог — человек очень впечатлительный — увидел такое стадо голов в двести-триста и закричал: «Смотрите, львы, львы!»

О чем, видимо, потом весьма сожалел, так как ему об этом часто напоминали.

Утро на Сенегале прекрасно. Свежие яркие краски, солнце поднимается над столовыми горами. Еще не жарко. Мы вскакиваем и бежим под душ.

Дежурный встает раньше на два часа — завтрак должен успеть вовремя, и в баках должна быть запасена кипячая вода для всех идущих на работы.

Едим за длинным столом, отгороженным от реки циновками.

Иногда из Сахары дует горячий ветер «харамтан», и тогда песок и пыль летят через Сенегал в наши тарелки.

Постепенно собираются рабочие и садятся вокруг автобуса, сложив у ног топоры и калebasы (пустотелые тыквы) с водой.

Мы научили наших рабочих грести, потому что у моторной лодки мотор как правило не работает.

Плывем к порогам. Если ветер попутный, ставим вместо паруса два геодезических зонга.

На острове живет бегемот. Он смотрит, как мы работаем. Нырнет на три минуты, а потом минуту дышит и наблюдает.

О бегемоте я решил рассказать стихами:

*Огромный толстый бегемот
Плывет по Сенегалу.*

*На нас посмотрит и нырнет,
А мы стоим на скалах.*

Ему прохладно под водой,

А нас жара терзает;

*У нас работа в жуткий зной,
А он себе ныряет.*

Один из нас ему кричит:

«Не хочешь ли поменяться?»

*Иди крути теодолит,
А я пойду купаться!»
Услышав это, бегемот
Зафыркал, засмеялся,
Нырнул поглубже от хлопот
И больше не являлся.*

Гряда камней, где мы предполагаем проектировать мост, тянется на шестьсот метров от берега к берегу, разрываясь в двух местах.

Здесь после работы мы обычно купаемся и отдыхаем до ужина. Внизу, под порогом, глубины достигают тридцати двух метров, выше порога — всего два-три метра.

Выше и ниже порога живет по одному крокодилу.

Нижний — нахал. Он ворует в деревне баранов и лопаёт их в прозрачной бухте у камней. При нашем появлении он лениво выплывает из бухты, как подводная лодка в крейсерском положении, и плывет по своим делам, а ночью возвращается.

Однажды, когда мы затеяли на него охоту с автомобильной фарой, его и ночью дома не оказалось. Видимо, был в гостях.

Верхний — трус и хвостун. Он ворует кур, гоняясь за ними по берегу, а при виде нашей лодки удирает во все лопатки.

Заканчиваем съемку переходов. Я возвращаюсь после работы по гряде камней, дохожу до места, где она разорвана — и у меня появляется идея сперва перебросить вещи, а потом идти налегке.

Бросаю первый ботинок, но рука срывается, ботинок падает на середину потока и стремительно несется вниз.

Босиком возвращаться нечего и думать.

Бегу по берегу вслед за ботинком, выбираю место, ныряю — догнать нужно до плеса, так как там, за поворотом, владения нижнего крокодила.

Рыба капитан живет у водопада. Она в рост человека, весом в семьдесят килограммов и с пастью в полметра.

Мы сперва не знали, что она там живет, и купались без страха.

У второго варианта мостового перехода растет огромный баобаб. Баобабы внутри пустые, и в них часто живут мелкие злые осы, а в этом — просто пустое дупло.

Мы срываем плоды баобаба, похожие на огромные, сантиметров десять-двенадцать длиной, зеленые желуди. Внутри желудей порошок. Из порошка получается кисель, кото-

Догоняю ботинок уже у самой бухточки, в спокойной воде, и с наивозможнейшей скоростью плыву обратно.

Да, в одиночку по Африке ходить страшновато!

Потом купаться перестали, а начали капитана ловить.

Ловят капитана так.

Сначала ловится живец — рыбка килограмма на два. Она насаживается на гигантский крюк, привязанный к авиационному тросу, и всё это бросят в воду.

Хватает капитан наживку мгновенно.

Затем пять-шесть человек, надрываясь и разрезая о трос руки, тянут рыбину на скалу.

Когда капитан стал обычной добычей, пришлось построить коптильню из старых бензиновых бочек и есть капитана в копченом виде.

рый в охлажденном виде используется у нас большим спросом.

СЛУЧАЙ

БАОБАБОМ

Однажды мостовик Дима забрался на баобаб за плодами. Забирался минут пятнадцать, а спустился в пять секунд и бросился в автобус.

Осы летели за ним тучей.

Коля, наш геолог, быстро включил заднюю скорость и, прыгая вокруг руля, отбиваясь от наседающих ос, петляя между деревьями, мы удирали.

В лагере я вынул из Димы двадцать два осиных жала.

**ДВА
ВАРИАНТА**

У нас два варианта будущей автомобильной дороги: северный и южный.

Северный вариант идет в основном долинами, по спокойной местности.

Южный пересекает лога, идет косогами через водоразделы. Но он чуть короче северного.

Надо решить, какой вариант лучше, а для этого нужно пройти по обеим трассам, сделать топографическую съемку, высчитать затраты по земляным работам.

В ближайшее воскресенье отправляемся на рекогносцировку южного варианта.

Утром мы бодры, полны сил и легкомыслия. Нас еще не била саванна, мы еще не знаем, что такое настоящая жажда и пешие переходы под африканским солнцем.

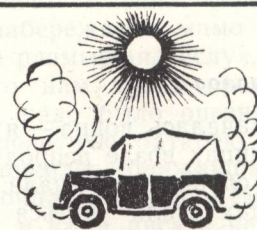
Поэтому, когда мы увидели, что бензина всего полбака, нас это не смутило. По расстоянию выходило, что хватит с лихвой.

Красная латеритовая дорога вьется у подножия большой горы с почти отвесными склонами.

Затем дорога кончается и, покинув проторенный путь, делаем замысловатые зигзаги.

Желтая высокая трава скрывает наш газик вместе с тентом.

Едем, останавливаемся, обьезжаем горные гряды, натываемся на скалы, не замеченные ранее, — и вдруг Олег Анатольевич останавливает машину и говорит, что дальше ехать нельзя. Горючего — только-только на возвращение.

РЕКОГНОСЦИРОВКА

А времени — полдень, солнце палит, и бензин быстро испаряется. И путь, по которому мы ехали сюда, найти нелегко. Кусты после прохода газака выпрямились, и следа колес не видно. Едем все время на первой и второй скорости, что еще уменьшает наши бензиновые запасы.

До ближайшей деревни осталось три километра, когда мотор заглох.

Вода во флягах у нас на исходе, поэтому вылезаем из газака и идем так быстро, как это возможно.

Так нам ответили по-французски, когда мы по-французски же осведомились насчет бензина.

В общем, бензина не было. Дело дрянь.

Заходим в большую глинобитную хижину, здороваемся с хозяевами и объясняем на ломаном французском свое положение.

Мы просим достать велосипед, чтобы на нем добраться до переправы (километров двенадцать) и кликнуть подмогу.

Хозяин дома говорит: «Бисиклет яна» — и мне приводят старый французский велосипед со спущенными шинами.

Тормоза у него ручные, но без колодок; он приспособлен

ЭССАНС

ИЛЬ

НЕ

А

ПА

к стремительной безостановочной езде.

Клеим дыры в камерах и все по очереди накачиваем шины. Накачали, надавили — оба баллона моментально спускают.

Снова качаем и качаем.

Наконец, я осторожно выкапываю его из дома и несусь по деревне под одобрительные возгласы.

Окончание следует.

Первый снаряд

В. Сулов

РАССКАЗ

Рисунок Н. Кустова

Как началась война — я хорошо помню. На улицах возле репродукторов собирались люди и слушали, слушали... А потом рабочие на улицах стали учиться ходить строем, колоть штыком и бить прикладом. А мальчишки бегали сзади с палками и тоже коледи фашистов.

Жил я тогда на Васильевском острове, дом у нас был небольшой и ребят мало. Всё больше малыши. Только нас трое постарше: я, Вовка и Костя Стальбаум. Костю звали еще Шлагбаум. За то, что был он длинный, тощий и ходил всегда в каких-то полосатых футболках.

Когда по радио объявили войну, Костя жил где-то на даче под Лугой. Но вскоре он появился во дворе и показал нам осколки. Три осколка от настоящего снаряда. Два маленьких и один побольше. Они лежали на Костиной ладони — черные кусочки железа с блестящими изломами. Лежали, скалились, готовые в любой момент сцепиться и здорово куснуть.

Это были самые первые осколки, которые мы увидели. Может быть, даже от самого первого снаряда войны. Холодные, притихшие. А ведь они могли и убить, стоило только попасть им в чью-нибудь голову или в сердце.

— Меняем? — спросил Вовка, доставая из пиджака прожигательное стекло.

Костя прищурился, покачал головой, и осколки исчезли в кармане его брюк.

— Некогда пустяками заниматься, — сказал он вдруг. — Надо готовить город к обороне.

Мы согласились. Это было тоже интересно: готовить город к обороне! Все взрослые занимались войной. А мы? Маленькие, что ли?

Правда, идти в военкомат не было смысла. Из девятого класса ребята ходили — и то не взяли. Куда уж нам, семиклассникам!..

Но можно было что-нибудь придумать и без военкомата. Тем более, что Костя вернулся с дачи. Этот Шлагбаум всегда все знал.

— Будем заклеивать окна! — сказал он. — В случае взрывной волны бумажки, наклеен-

ные на стекла, не дадут разлететься осколком.

И мы клеили бумажки на стекла. Вырезали длинные белые полоски на каждое стекло — крест-накрест. Шлагбаум клеил на самые верхние. Вовка на нижние. А я подавал им полоски.

В других квартирах клеили тоже, и вскоре весь город запестрел аккуратными белыми крестиками. На некоторых окнах были даже не крестики, а какие-то пальмы с разлапистыми макушками, домики, цветы. Красиво! Смотрев весь наш дом, Костя обнаружил три незаклеенных окна.

— Пошли! — скомандовал он.

Оказалось, что не заклеили у Светки Разумовой. Светке было всего два года, а ее бабушке, наверное, семьдесят два. Кто же из

них заклеивать будет? Пришлось нам.

— Вы тоже военные? — спрашивала Светка.

— Конечно, — серьезно отвечал Костя. — Раз война — все должны быть военными.

Потом он придумал копать во дворе щель от воздушного нападения.

— Дом у нас старый, — сказал он. — Современная фугасная бомба прошивает нас сквозь семь этажей. А у нас всего четыре. Рухнет — и засыплет бомбоубежище.

Поэтому щель мы решили копать подальше от стен, прямо посредине двора — в клумбе.

Лопат достали только две, и копать взялись по очереди.

— Вы что же это делаете, басурманы? — сразу же налетела на нас тетя Маруся, дворничиха. — Для вас тут цветы сажали? А ну, геть отседова!

Мы с Вовкой тотчас же выполнили команду «геть». Тетю Марусю мы знали давно. Она для нас была страшнее войны.

А Костя остался на клумбе. И тоже стал кричать. О том, что сейчас война и пусть тетя Маруся сходит в военкомат и прочитает там на стенке приказ о строительстве деревоземляных убежищ.

В военкомат тетя Маруся не пошла, а побегала в дворницкую и прислала нам дядю Никифора.

Тот долго смотрел, как мы ковыряемся втроем двумя лопатами, а потом привел милиционера.

— Кто приказал копать? — спросил милиционер.

Мы сказали, что приказал Костя.

Костя сказал, что приказал военкомат.

Милиционер сказал, что мы копаем не так. Нужно не как попало, а по чертежу. И велел нам идти в военкомат срисовывать чертеж.

Костя сказал: «Ладно», — и повел нас к себе домой.

Оказалось, что он ни в каком военкомате не был. А чертеж есть в «Ленинградской правде». Надо его только перечертить, статью переписать и тогда — хоть весь двор перекапывай.

Статью мы переписывали до самого вечера. А когда снова пришли во двор, смотрим — там и дядя Никифор, и Ананьевы копают, и профессор Колловский. И вообще нам велели не путаться под ногами. Тем более, что лопат больше нет.

А чертеж взяли.

На следующий день Шлагбаум придумал проверять светомаскировку. Это было очень трудно. Потому что стояли белые ночи и света вообще никто не зажигал.

Зато утром Костя забарабанил кулаком в дверь и приказал мне:

— Айда!

Во дворе уже стоял Вовка, и мы припустили бегом к Соловьевскому саду.

И откуда только Костя пронюхал, что там производят отправку на оборонные работы?

Когда мы прибежали, грузовиков уже было мало. Люди торопливо забирались в них, подавали в кузов лопаты, рюкзаки, чемоданы...

Костя с ходу вскарабкался в первый повалившийся кузов. И тут же его выгрузили обратно. Оказалось, что в спешке мы забыли захватить продукты и одну смену белья. И вообще тут все грузовики организованные, а мы неорганизованные.

— Ну и ладно, — сказал Костя. — Пошли тогда на Стрелку. Там зенитную батарею поставили.

На Стрелке полукругом зеленели деревья. Чуть ниже под ними спокойно набегала на гранитные ступени Нева. Кричали чайки. Звенели по Дворцовому мосту трамваи. И только притаившиеся под деревьями стволы зениток напоминали о том, что лето, сол-

нышко, каникулы — все это не то, не самое главное. Главное сейчас — война.

Мы шагали по набережной мимо нашей школы, и Шлагбаум размышлял вслух, сколько еще много всего нам троем предстояло сделать. Во-первых, надо было организовать доставку воды на зенитную батарею. Потом узнать, где расположен ближайший госпиталь, и писать бойцам письма. Тем, которые ранены в руку и сами писать не могут. А главное — следить и вылавливать «ракетчиков» и шпионов, которых фашисты будут забрасывать в наш город. Но какой-то невидимый снаряд все-таки прорвался в наш город, в наш двор, в нашу дружную тройку. И взрывная волна вырвала одного из нас и забросила далеко-далеко...

Фашистские самолеты еще не долетали до города. Их попросту не пускали наши истребители. Сбивали на подходе. И немецкие дальнобойные батареи еще не обстреливали дома и улицы.

...Мы сидели с Вовкой на поленице и ждали Костю. Надо было идти на чердак, проверять ящики с песком. Все было готово, а Шлагбаума не было.

Наконец он показался в дверях и как-то медленно побрел к нам через двор. Длинный, нескладный Шлагбаум в полосатой футболке.

— Я уезжаю, — сказал он.

— Куда? — не поняли мы сразу.

— Есть приказ об эвакуации...

Костя был сыном полкового комиссара. Он лучше нас знал, что такое приказ.

— Сегодня, — вздохнул он и пошел к нашей шели.

Щель была вырыта точно по чертежу. На всех окнах белели крестики. Кое-где за стеклами темнели плотные шторы светомаскировки. Дом был готов к обороне.

В полдень за Костей приехала машина. Два красноармейца побежали наверх, вынесли чемодан, какой-то узел, кошелку. Костина мама села рядом с шофером. Костя тоже вышел и стал оглядываться.

— Подите сюда! — увидел он нас.

Мы подошли.

Костя полез в карман, покопался там, что-то перебирая, и мы снова увидели на его ладони три осколка. Два маленьких и один побольше.

— Вот, — сказал Костя, — берите два.

Мы взяли маленькие.

А большой осколок поехал куда-то в тыл, в эвакуацию...

Такие уж у войны законы: осколки разлетаются далеко-далеко...

ГЕОГРАФ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Зима 1941—42 года. Ладожское озеро.

Днем и ночью в самый лютый мороз мчатся по накатанному льду тяжелые грузовые машины. Мчатся всего в пятнадцати-двадцати километрах от берега, а следовательно, и от неприятеля. Это «Дорога жизни» — единственный путь из осажденного Ленинграда на Большую землю. Все другие — перерезаны врагом.

Из города торопятся вывезти раненых, больных, истощенных людей, эвакуировать фабрики и заводы с их громоздкими станками и тяжелым оборудованием. Навстречу, в город, спешит множество машин. С продовольствием, лекарствами, топливом, боеприпасами, оружием. Всем, без чего нельзя бороться, выстоять.

Скорей, скорей, волнуется водитель. Только бы проскочить, только не попасть под обстрел или в бомбежку.

С тревогой поглядывают люди на небо — не застигнет ли в дороге снегопад или туман? В непогоду машины слепнут — сквозь белую пелену не различить дорожных знаков и строений. Тут легко заблудиться или попасть в аварию...

Прогноз погоды и состояния льда жизненно необходим на трассе. И служба погоды одна из самых важных. Ответственный за нее — видный ученый Сергей Иванович Руденко. Он отвечает за жизнь многих тысяч людей.

На родине и за рубежом профессор Руденко известен как выдающийся путешественник — антрополог, этнограф, археолог.

Интерес к жизни разных народов возник у Сергея Ивановича давно. Еще в те годы, когда он — ученик Пермской гимназии — проводил каникулы среди башкир. Их обычаи, игры, песни, уклад жизни отнюдь не говорили, что это отсталый народ. Однако для царских чиновников башкиры оставались бесправными инородцами.

Позже студент Петербургского университета Руденко увлекся передовыми взглядами тех ученых, кто отстаивал права и достоинство малых народностей и решил: он будет изучать народности, населяющие Российскую империю. Как этнограф — быт и культуру; как антрополог — физический тип — размеры и пропорции тела; как археолог — останки погребенных в древних могильниках.

Одна экспедиция следует за другой — об этом говорит список трудов Сергея Ивановича, а их до войны опубликовано более сорока. Его научные интересы широки — изучение башкир, чувашей, мари, народностей северо-западной Сибири, Алтая, Казахстана, раскопки могильников южного Урала, Минусинска, Алтая, стоянок первобытного человека.

Не странно ли во время Великой Отечественной войны встретиться с Сергеем Ивановичем Руденко, гидрометеорологом, на ледовой трассе?

На первый взгляд гидрометеорология с ее постоянными наблюдениями и измерениями силы ветра, движения воздушных масс, количества выпавших осадков далека от основных интересов Сергея Ивано-

вича. Но он прежде всего географ. И притом широкого профиля. В первые годы своего профессорства в Томске он заведовал кафедрой физической географии. А в начале XX века география еще включает учение о рельефе Земли, климате, почве, распределении воды, растений, животных, расселения рас человека.

И позже, когда в 1942 году профессор Руденко руководит экспедицией в восточный Алтай, где со временем будут сделаны археологические находки мирового значения, проводятся исследования и геологического строения края, и его почв, и его растений.

Война! Она заставляет каждого принять посильное участие в обороне страны. И Сергей Иванович — ему уже перевалило за пятьдесят лет — как географ возглавляет работу на ледовой трассе. Его особое умение оценить, учесть, обобщить — это шестое чувство опытного исследователя — помогает делать правильные выводы и давать правильные прогнозы.

Кроме того, ему прекрасно знаком водный режим капризных северных рек и озер. В тридцатых годах Сергей Иванович работал инженером-гидрологом на строительстве Беломорско-Балтийского канала, где на старинном водном пути новгородцев в Студеное море (Белое и Баренцево) стали сооружать первую большую водную магистраль.

Как широко разливаются весной реки и озера? Какую силу напора воды испытают будущие сооружения, какие породы составляют основание реки и какие почвенные воды питают ее — на все эти важные вопросы должен ответить гидролог-изыскатель. А для этого надо произвести тысячи замеров и наблюдений. Это значит — всегда на воде. В любую

погоду, при любом шторме. И само собой, приходится сопоставлять свои наблюдения с метеорологическими явлениями. Ведь известно, что ветер может нагнать воду или согнать ее.

Кропотливая работа изыскателя нередко требует напряжения всех физических сил человека, хорошей закалки и выносливости.

Сергей Иванович не боится трудностей работы. Он привык к бездорожью далеких окраин. Сколько раз через бурные горные реки Алтая и могучие реки Сибири переправлялся верхом на лошади, или на лодке, или под парусом. И работа гидролога ему по душе.

Заглянем снова в список его работ. За эти годы он пополнился исследованиями о донном льде, приливах и отливах, пропуске паводка, словом, специально гидрологическими.

В конце войны мысли Сергея Ивановича возвращаются к его основной специальности — археологии и антропологии. Он закончил большую работу «Скифская проблема и алтайские находки», где установил

родство древних обитателей горного Алтая со скифами, народностью, некогда обитавшей на юге России. Но в 1924 году был раскопан всего один курган, а вблизи урочища Пазырык их пять. Находки первого кургана очень ценны, но он был разграблен, и тело погребенного в ней человека похищено. Но может статься, что другие курганы в лучшей сохранности и содержат еще более важные и интересные находки?

И все же время вернуться к раскопкам еще не настало. И не только потому, что идет война. Сам Сергей Иванович увлекся работой, связанной с большими общенародными хозяйственными задачами. Если добытые тобой ряды цифр, построенные тобой схемы и вычерченные твоими руками карты помогают работе других людей, это дает огромное удовлетворение.

Сергей Иванович берется за сложное исследование — оно должно помочь проектировщикам Большой Волги. Некоторые специалисты полагают, что в новых искусственных водоемах Большой Волги слишком много воды будет расходоваться на испарение. Так это или не так?

В 1948 году в трудах гидрологического института публикуется новая работа Сергея Ивановича. Каждое слово здесь подкреплено цифрами. А они утверждают: с суши с ее лесами и лугами испаряется больше воды, нежели с большой водной поверхности. Каскаду Большой Волги не будет угрожать высыхание. За этот капитальный труд Сергею Ивановичу присуждают научную степень доктора технических наук.

Сергей Иванович уже в том возрасте, когда люди имеют право на законный отдых — пенсию. Он же организует экспедицию. Он готовится к рас-

копкам Алтайских курганов.

Четверть века не видел он этого дикого горного края. Двадцать пять лет тому назад экспедиция пробиралась верхом по труднопроходимым тропам к реке Большой Улаган. А теперь по вновь проложенному Чуйскому тракту катятся грузовые машины.

Однако курганы неохотно открывают свои тайны. Дело в том, что деревянный настил погребального сруба был не просто засыпан землей, но и завален камнями, чтобы надежней уберечь покой погребенных от диких зверей и грабителей.

За двадцать с лишним столетий камни и земля промерзли. И так сильно, что образовалась вечная мерзлота. Промерзший грунт не поддается лопате. Приходится сначала прогревать его горячей водой, затем вычерпывать грязь и лишь потом раскапывать.

И все же курганы один за другим открывают свои тайны. Правда, во всех побывали грабители. И все же оправдываются самые смелые надежды Сергея Ивановича — перед учеными не только вещи, сработанные более двух тысяч лет тому назад — ткани и ковры, одежда и обувь, золотые украшения, оружие, сбруя.

С каким волнением осматривали ученые саркофаги — колоды, выдолбленные из цельной лиственницы, установленные в деревянных срубах. Здесь и тела тех, кто населял Алтай две тысячи лет тому назад. Они прекрасно сохранились в условиях вечной мерзлоты. Можно разглядеть черты лица с орлиными носами, даже зарисовать татуировку на теле — причудливый орнамент с какими-то фантастическими зверями.

Этот же орнамент повторяется и на вышивках одежды и седел, и на золотых украшениях. Это типичный «звериный» орнамент скифов. Еще одно подтверждение тому, что похороненные принадлежали к одному из скифских племен. Может быть, перед археологами те горные племена, которые древний историк Геродот называл «стерегущими золото грифами».

В могильных ямах, рядом со срубом, лежали убитые при погребении их хозяев лошади. В упряжке с богато украшенной сбруей, коричнево-золотистой масти. И среди них ни одной лошади с белыми пятнами на ногах. И это не случайно, — у лошадей с белыми отметинами как правило слабые копыта. Видимо, древние наездники отбирали себе самых выносливых лошадей, наилучшим образом приспособленных к каменным тропам горного края.

Не трудно теперь представить себе, как жили и чем занимались древние горно-алтайцы. Это были богатые скотоводы. Табуны их лошадей и отары овец паслись в долинах и на лугах. Воинственные, они могли отразить набеги соседей, а то и напасть на них. Охотились на пушного зверя, чтобы добыть меха для одежды. Из шерсти овец выделывали тонкие ткани. Знали земледелие — в найденных глиняных сосудах было запасено просо и конопля. Жили в просторных деревянных срубах, примерно таких же, как и погребальные.

Стены и пол покрывали коврами, сидели на кожаных подушках

Горно-алтайцы общались с другими народами. Вероятно, обменивали лошадей и меха на шелковые ткани и разные предметы роскоши.

Раскопки пазырыкских и других алтайских курганов раскрыли богатую культуру древних жителей горного Алтая. Благодаря трудам экспедиций Сергея Ивановича Руденко удалось вписать новую страницу в книгу истории человечества. Так оценили эту работу русское географическое общество, присудив ее автору золотую медаль Семенова-Тянь-Шаньского.

Казалось бы, здесь можно закончить рассказ о трудах неугомонного исследователя. Но дело в том, что и на восьмом десятке лет он по-прежнему деятелен и энергичен.

Работая в институте археологии Академии наук, Сергей Иванович организует новую лабораторию — радиоуглеродную.

В наше время на помощь археологу приходят методы точных наук, о которых и не подозревали полвека назад. Так нашли способ определять возраст археологических находок по количеству радиоактивного углерода — он веками сохраняется в деревянных вещах и углях.

Так, откликаясь в разные периоды своей жизни на запросы времени, Сергей Иванович остается верен избранной им специальности — географии, в самом ее широком значении.

Сейчас список трудов Сергея Ивановича перешагнул за цифру сто. Но список не завершен. На девятом десятке жизни ученый продолжает работать.

Н Терebinская
Рисунки В. Орлова

ЖИВЫЕ КРАСКИ

Знают все —
спроси любого:
небо —
цвета голубого,
и у моря
тот же цвет,
если туч
над морем нет.
Яблони
белы весной,
будто их
осыпал снег.
В нашем мире
все цветное,
есть свой цвет
у всех, всех, всех.
Зелен лист,
а уголь черен.
Цвета пламени
рассвет,
и чернее угля
ворон...
А какой
у ветра цвет?

Петру Кэраге

ПЭКАЛЭ И ПОП

*(Читай сказку на
страницах 4 и 5.)*

Пэкалэ самый веселый
и самый хитрющий дере-
венский парень, который
дурачил попов, бояр, куп-
цов и чиновников. О его
проделках народ сложил
сотни сказок. Одну из них
я расскажу вам.

Иляна Косыняэна и Фет Фрумос
любимые сказочные герои
молдавских ребят

ЛЯГУШКА И АИСТ

Петру Кэрае

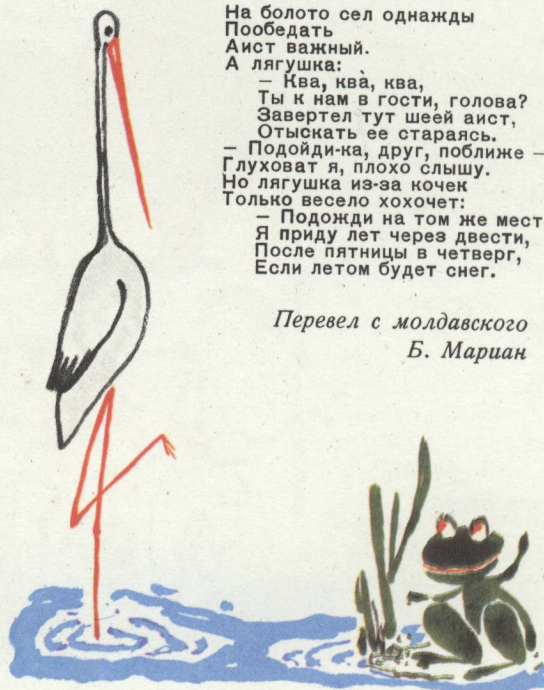
На болото сел однажды
Пообедать
Аист важный.

А лягушка:

— Ква, ква, ква,
Ты к нам в гости, голова?
Завертел тут шеей аист,
Отыскать ее стараясь.
— Подойди-ка, друг, поближе —
Глуховат я, плохо слышу.
Но лягушка из-за кочек
Только весело хохочет:
— Подожди на том же месте,
Я приду лет через двести,
После пятницы в четверг,
Если летом будет снег.

Перевел с молдавского

Б. Мариан

СКАЖИ

Григоре Виеру

— Ты скажи мне, колосок,
Много ль зерен приберег?
Мой ответ, ребята, прост:
Столько, сколько в небе звезд.

Небу зададим вопрос:

— Небо, сколько в небе звезд?

— У меня их столько, дети,
Сколько вас на белом свете.

— Ты скажи, земля, скорей,
Сколько у тебя детей?

— Сколько на море песчинок,
А в траве лугов — травинок.

Перевел с молдавского

В. Майоров

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Петру Кэрае

Дождик при солнце
Веселый такой!
Вырасти хочешь?
Под крышей не стой!

Душ этот славный
Полезен и чист —
Вырастешь скоро
Высок и плечист.

Нет полотенца? —
Пустяк — не журись,
Радугу с неба
Достань и утрись.

Перевел с молдавского

Б. Мариан

ПЕРЯХА

Петру Кэраре

Вот беда: у книг Антошки
Рвутся каждый день обложки.
Он мечтает, чтобы стали
Делать их из твердой стали.
Но подумать бы мальчишке:
Как носить такие книжки?

Перевел Б. Мариан

Молдавские пионеры
на сборе винограда

ПЭКАЛЭ И ПОП

Случилось однажды, что в попутчики Пэкалэ попал поп. Шли они, шли целый день до вечера, а к концу дня так изголодались да так устали, что еле ноги волочили. И решили заночевать в первом же доме, который попадетя по пути. Вот и дом. Хозяйка приняла их честь-честью, а на ужин дала им жареную курицу. Тут жадный поп стал смекать, как бы обвести Пэкалэ вокруг пальца, чтобы курица ему одному досталась. Подумал он и говорит:

— Знаешь что, Пэкалэ, давай-ка ляжем спать натошак, а кому из нас самый интересный сон приснится, тот и съест всю курицу.

— Добро, батюшка, — согласился Пэкалэ. Но не родился еще человек, который бы нашего Пэкалэ в дураках оставил. Как только поп захрапел, Пэкалэ встал тихонько и съел курицу.

Наутро просыпается поп и спрашивает:

— Ну, Пэкалэ, что же ты видел во сне?

— Да ничего интересного, батюшка, только тебя и видел.

— А мне, — говорит поп, — приснилось, будто прилетели сюда ангелы и унесли меня в рай. Там они усадили меня за стол и стали угощать меня разными кушаньями и напитками. То-то был пир... Ну-ка, браток, подай сюда курицу.

— Откуда, батюшка, ведь я ее съел, — отвечает Пэкалэ.

Поп взбеленился:

— Да как ты посмел?

— А я как увидел, какой богатый стол для тебя ангелы приготовили, дай, думаю, съем курицу, а то пропадет: батюшка-то и так обьелся.

Перевел Б. Мариан

ЗИМА

Михаил Гараз

Мой город наконец заснежен,
Снега укутали дома.
В край винограда и черешен
Пришла морозная зима.

2

ПИСЬМО ДЕДУ МОРОЗУ

Петру Кэраге

Дед Мороз, сегодня ночью
Буду ждать тебя до двух,
Но прошу я очень-очень:
Адрес мой не спутай вдруг!

На воротах сделан мелом
Знак, чтоб ты узнал мой двор,
Пес не тронет, топай смело:
У меня с ним уговор.

Дед Мороз, чтоб легче стало
По домам ходить с мешком,
Заходи ко мне сначала,
А к другим пойдешь потом.

Перевел Б. Мариан

7

КОСМОНАВТ

Посмотри-ка, что творится,
Глянь на Петю-шутника:
Он в отцовских рукавицах,
В старых бабкиных очках.
Он на голову пристроил
Из-под каши чугунок,
На ногах же у героя —
Пара маминых чулок.
На трубе сидит наш Петя,
— Слезь с трубы! —

велят ему.

Он кричит:
— Я на ракете,
Улетаю на Луну!

Перевел Б. Мариан

Мы зиме писали письма
На осенних желтых листьях.
Ветер листья собирал
И на почту отправлял.
Но, наверное, на месте
Не был найден адресат,
С опозданием на месяц
Прибыл в город снегопад.

Перевел В. Майоров

С Новым годом, дорогие читатели «Уголька»!
Если кто-то из вас с прошлого года забыл, как
делается наш журнал, напоминаем: ежемесяч-
ный выпуск «Уголька» вырезается из журнала
по сплошным линиям и складывается по пунк-
тирным, шесть выпусков вкладываются в цветную
обложку, а еще цветные странички вставляются
так, чтобы одна оказалась между вторым и тре-
тьим «Угольком», а другая между четвертым и
пятым, вся книжечка сшивается вместе. В «Ко-
стре» № 7 мы напечатаем цветную обложку и
цветные странички для второго полугодия.

В этом новогоднем «Угольке» у нас гостят на-
ши друзья из солнечной виноградной Молдавии.

Все рисунки сделал Р. Виеру

6

3

Всесоюзная пионерская легкоатлетическая школа «Спринт» при редакции журнала «Костер» начинает свой пятый учебный год.

Почти двадцать пять тысяч ребят занимаются сейчас по планам школы «Спринт». Школа «Спринт» — это школа легкоатлетической, и прежде всего беговой, подготовки. Ведь умение правильно, быстро бегать — лучшая основа для достижений в любом виде современного спорта.

Школа «Спринт» — заочная школа. Уроки ведутся на страницах «Костра» и в письмах, которые получают наши ученики от тренерского совета школы «Спринт». В тренерский совет входят наши известные легкоатлеты, неоднократные чемпионы страны Эдвин Озолин и Галина Попова, заведующий спортивной лабораторией Ленинградского государственного университета кандидат педагогических наук Владимир Борилкевич, спортивный журналист Юрий Михайлов.

Ученики школы четыре-пять раз в год сообщают редакции о своих успехах и неудачах, задают в письмах вопросы, связанные с тренировками. Почетная обязанность каждого ученика школы «Спринт» — привлечь к занятиям в школе своих товарищей, организовать ячейку школы там, где ее еще нет.

Лучшие спортсмены-активисты школы «Спринт» ежегодно собираются на всесоюзный слет в пионерском лагере «Орленок» на берегу Черного моря. В следующем номере «Костра» читайте рассказ о третьем слете.

Если ты, наш новый читатель, хочешь стать юным спринтером, аккуратно спиши и заполни анкету и пошли по адресу:

Ленинград, С-15
ул. Таврическая, дом № 37.
Редакция журнала «Костер»
Школа «Спринт»

Сверху на конверте красным карандашом поставь цифру «1»

ВПЕРЕД, БЫСТРОНОГИЕ!

Прошу принять меня в школу «Спринт».

Моя фамилия Меня зовут

Я родился «...» 195... года. Я — пионер, комсомолец,
выпиши нужное

Мой домашний адрес

Класс и школа Я занимаюсь в спортивном кружке (секции)

..... раз в неделю

Я имею спортивный разряд по

Мои лучшие результаты:

в беге на 60 м

в беге на 100 м

в прыжках в высоту

в прыжках в длину

в других видах легкой атлетики

Мой рост..... Вес.....

ЯБЛОЧКО-69

В этом году мы начинаем новый конкурс художников-юмористов «Яблочко». Просим читателей не позднее, чем через неделю после получения номера «Костра», поставить и прислать нам отметку очередному художнику, принявшему участие в конкурсе «Яблочко».

Художники и редакция просят ставить отметки построжел!

МАРШ
ШКОЛЫ
"Спринт"

Музыка Л. Романова

Слова А. Лосева

Школь-ны-е дни, быст-ры-о-ни, тес-ной ста-но-вит-ся пар-та. И за по-рог
сот-ней до-рог ма-нит нас школь-на-я кар-та. Мчит-ся стре-ми-тель-но век.
Ну-жен и в жиз-ни раз-бег. Не по-за-будь-жиз-нен-ный путь то-же за-ви-сит от стар-та.

Школьные дни,
быстры они,
тесной становится парта.
И за порог
сотней дорог
манит нас школьная карта.
Мчится стремительно век.
Нужен и в жизни разбег.
Не забудь —
жизненный путь
тоже зависит от старта.

С песней в пути
легче идти.
Шагом решительным, твердым
в марше колонн
на стадион
входим под знаменем гордым.
Дружно мы крикнем «ура!»
спринтерской школе «Костра»,
пусть нас вперед
школа ведет
к новым и новым рекордам.

Помним всегда,
что без труда
в спорте побед не добиться.
Слышим:
— На старт! Внимание! Марш!
к финишу мчимся, как птицы.
Только в упорной борьбе
слава приходит к тебе.
Может, сейчас
здесь среди нас
будущих лет олимпийцы!

каждую свободную от уроков минуту складывает, вычитает, делит, мно-
жит цифры. Иногда получаются настоящие чудеса: четырьмя девятками
он сумел изобразить число 100. Потом — шестью девятками, пятью еди-
ницами, пятью тройками, пятью пятерками.

Самое простое — пятью единицами. Попробуйте и напишите Косте
ответ.

КОСТЯ ТЕРКИН задает вам шуточные вопросы по геометрии и, чтобы
шутка была понятна, сам отвечает на них:

Что такое угол? Треугольник, из которого вынули одну сторону.

Что такое точка? Угол, из которого вырваны стороны.

Что такое прямая? Убежавшая точка.

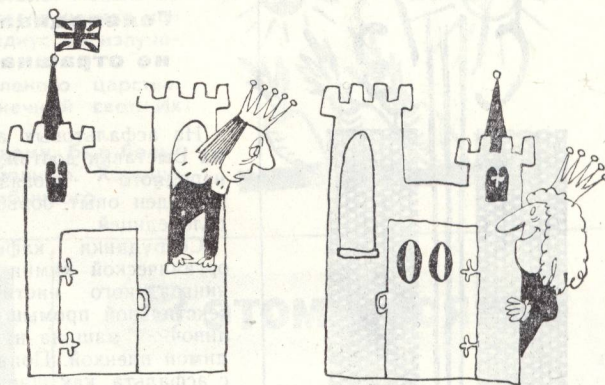
Что такое круг? Раздувшаяся точка.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ГРУБОСТИ

Уголок
всего архивирова

В начале XVIII столетия, в то время, как английские и французские бомбардиры на полях брани обменивались орудийными залпами, воинственные монархи Георг I и Людовик XIV обменивались колкостями, порой весьма дорогостоящими.

Об эту пору близ Лондона и близ Парижа велось большое строительство. Людовик XIV строил себе новый роскошный дворец Тюильри, а по повелению Георга строилось новое здание лондонского сумасшедшего дома Бедлам (многие бедняги в то время лишились рассудка из-за тягот военного времени). Какова же была ярость Людовика, когда он узнал, что английские архитекторы, выполняя приказ своего короля, построили новый скорбный дом как две

капли воды похожим на его замечательный новый дворец. Недолго думая, «король-солнце» отдал распоряжение, и рядом с новым дворцом поднялось здание туалета, совершенно похожее на Сент-Джеймский дворец, резиденцию английских владык.

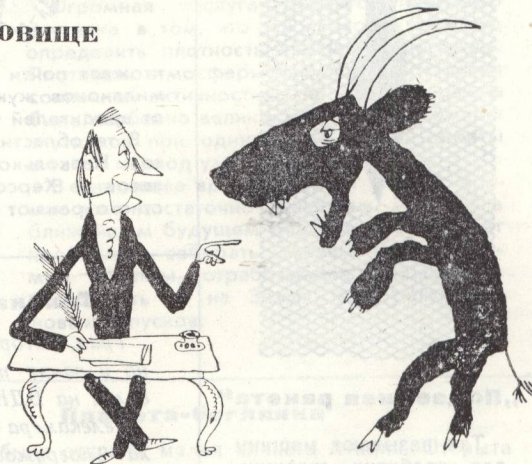
ТРАВЯДНОЕ ЧУДОВИЩЕ

Величайший естествоиспытатель Жорж Кювье поздним вечером работал в своем кабинете. Вполне вероятно, что в этот вечер он занимался своей любимой наукой — сравнительной анатомией, изучающей строение тела различных животных. Часы пробили двенадцать, и в кабинете ученого появилось страшное чудовище. Это был один из студентов профессора Кювье, искусно облекшийся в звериные одежды. Он решил напугать великого натуралиста. Чудовище зарычало:

— Кювье, я пришел пожрать тебя.

Кювье внимательно взгляделся в непрошеного гостя и... расхохотался.

— Ха-ха-ха! У тебя копыта и рога, значит, ты скотина травоядная и съесть меня не мо-

жешь, — сказал Жорж Кювье и спокойно продолжал свою работу.

ВСЕМ ПОЧАЛО

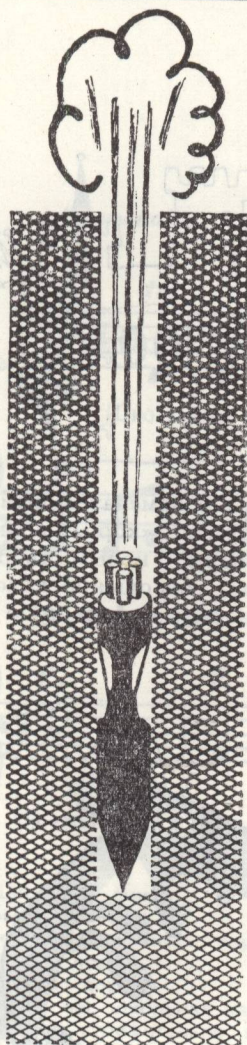
Много веселых комедий написал для русской сцены старший современник Пушкина князь Шаховской. Один из первых русских комедиографов был и одним из первых режиссеров-постановщиков, он сам осуществлял постановку своих сочинений.

Актеры любили работать с Шаховским, зная его добродушие и охотно прощая ему вспыльчивость. Тем более, что вспышки гнева у Шаховского вызывала только действительно плохая

игра актеров, зря князь не сердился, да и сердился-то он смешно.

Однажды, крайне недовольный работой актеров на репетиции, Шаховской выскочил на сцену, обругал в пух и прах всех по очереди актеров, пригрозил декоратору, накричал на суфлера и под конец воскликнул, обращаясь к висевшей над сценой керосиновой лампе:

— И ты, голубушка, дурно светишь!

„Подземная ракета“

Так называют машину для пробивки скважин. Ее сконструировали ученые института горного дела. Раздвигая грунт, «ракета» оставляет за собой ровный проход, «коридорчик» с ровными стенами.

Гололедица не страшна

На асфальтовых аллеях Выставки достижений народного хозяйства проведен опыт борьбы с гололедицей.

Сотрудники кафедры органической химии Ленинградского института текстильной промышленности предложили рецепт специального состава. Полировочная машина наносит на асфальт жидкость, которая затвердевает невидимой пленкой. Попадая на эту пленку, снег тает, капли воды скатываются с асфальта, как шарики...

Муравьи — санитары

Обычно в муравейнике проживает довольно большое семейство, и чтобы прокормить его, надо много еды.

Ученые подсчитали, что средняя по численности семья рыжих муравьев за сутки уни-

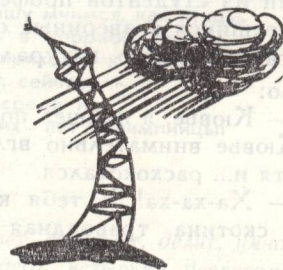
чтожает почти 20 тысяч вредных насекомых. А за лето — от пяти до десяти миллионов жуков, жучков и гусениц. Один муравейник надежно защищает от вредителей четверть гектара леса или сада.

В те области, где муравьев мало или вообще нет, их доставляют самолетом. Несколько партий трудолюбивых санитаров перевезено из Кременецких лесов на Херсонщину. «Новоселы» прижились на новом месте и добросовестно охраняют молодые леса.

Телекамера под водой

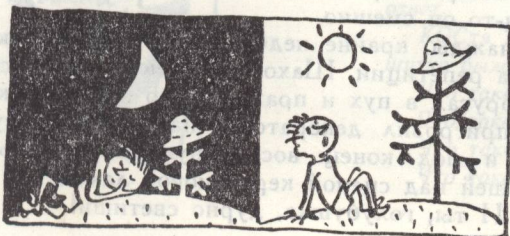
Трал, который не только ловит рыбу, но и занят поисками ее, демонстрировался на ВДНХ.

Телекамера — главная часть этого траля — погружается в морскую глубину, отыскивает рыбу и показывает, куда движется косяк. В поле зрения передающей камеры устанавливается компас. Оператор видит на экране цель, показания компаса и определяет направление «погощи».

Стеклянная антенна

В Париже изготовлена стеклянная антенна, оставшаяся при любых испытаниях невредимой. Стекло это прочнее многих металлических сплавов и в четыре раза легче стали.

Когда растут деревья?

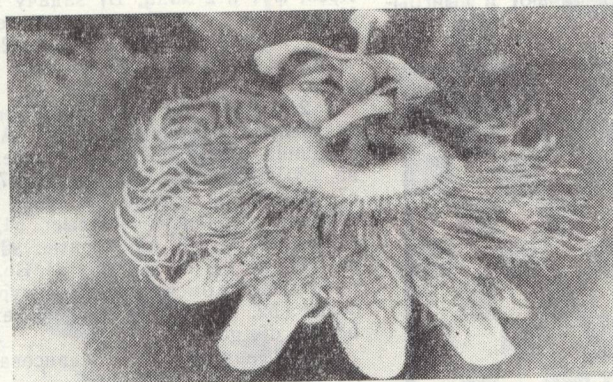
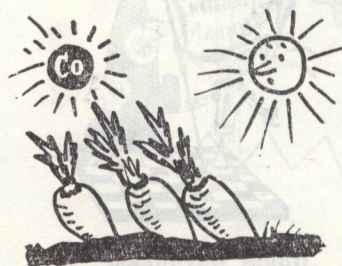
Проблемой роста деревьев много лет занимался австралиец И. Гонзалес. Он установил, что от полуночи до 6 часов утра прирост составляет 75 процентов суточного, днем, с 12 до 6 вечера, дерево растет очень медленно.

Витамины зеленого царства

На колхозном свекловичном поле стоит железный столб. Похож на фонарный, но вместо лампы на кронштейне висит металлическая коробка. А в ней крупинка радиоактивного кобальта. Радиус ее излучения — 80 метров.

Радиоактивные элементы — поистине витамины зеленого царства. Растения воспринимают радиоактивные лучи, как солнечный свет. Их стебли изгибаются в направлении источника излучения.

В прошлом году урожай свеклы, выращенной по-новому, был больше, чем раньше. И сахара в свекле стало вдвое больше. Хорошо действует кобальт на гречиху: она зацветает раньше обычного.

„Кавалерская звезда“

В Аджарии каждое лето расцветает голубая тропическая пассифлера — несколько рядов листьев расположены на разной высоте вокруг укороченного стебля. Цветок имеет второе название, с которым связана целая история.

...Было время, когда металлических знаков отличия не существовало. Тогда-то один полководец предложил награждать особо отличившихся рыцарей самым красивым на земле цветком. Долго решали, каким именно... Наконец, из тропических стран доставили пассифлеру. Необычайный цветок и получил название «кавалерской звезды».

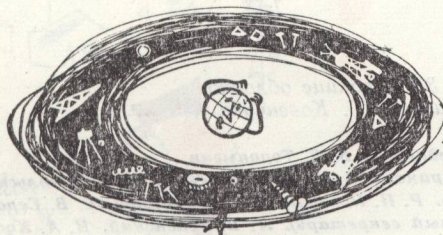
В ЭТОМ МЕСЯЦЕ

Десять лет назад в СССР была успешно запущена космическая ракета к Луне, которая стала первой искусственной планетой, спутником Солнца.

Время существования спутника в космосе зависит от многих причин. Знать его важно для того, чтобы планировать запуск космического полета человека.

Огромная заслуга первого советского спутника в том, что он позволил впервые определить плотность верхней атмосферы. Плотность атмосферы зависит от состояния солнечной активности: в прошлом году она была особенно велика. Срок существования спутников при одинаковой высоте орбиты в такой период уменьшается.

В настоящее время, считают ученые, космос уже достаточно «населен». Видимо, в ближайшем будущем перед наукой встанет проблема — собирать запущенные в космос объекты, обработавшие свой срок, и возвращать их на Землю для ремонта и новых запусков.

Космическое десятилетие

В 1958 году вокруг земли двинулось всего 5 искусственных спутников. А к весне 1968 года в околоземном пространстве и космосе появилось 300 спутников.

Планета-беглянка

В 1903 году была открыта малая планета Аталия. Открыта...и сразу же потеряна: тщетно пытались астрономы отыскать ее в глубинах Вселенной. Только применение электронно-вычислительной машины позволило обнаружить «пропажу».

Машина высчитала траекторию полета Аталии. По ее «указаниям» телескоп был направлен на определенный участок неба, беглянку «засекли» и сфотографировали.

Вот что у них общего

Замечено, что у шимпанзе, пока им не исполнится года, особенно много общего с детьми. В одной семье воспитывали маленького шимпанзе вместе с ребенком. Родители ребенка почти год изучали поведение обезьянки и ребенок и заметили много общего в их увлечении играми, в манере держать себя, в привязанности ко взрослым.

Наши интервью

На днях корреспондент ТАШШ (Телеграфное агентство шахматистов и шашистов) посетил знаменитого Ферзьбери.

— Скажите, адмирал, что предприятие под вашим командованием Армия Рыцарей Черно-Белых Клеток в 1969 году?

— АРЧЕБЕК отправится на планету Пульга. Ее президент уже прислал приглашение и 2000 виз для рыцарей.

— Ваши ближайшие помощники?

— Шахмат-капитан Пешкоедов и шашек-капитан Дамкобеев, летописец Вася Ладейкин и, конечно, рыцари и рыцарята.

— Все ли, просившие о приеме, приняты?

— Все! И отличное пополнение! Но в АРЧЕБЕКЕ есть еще 112 мест. Кто поторопится, сможет быть зачислен.

— Ждут ли арчебековцев призы? Или спортивные разряды?

— И то, и другое! В конце года за наибольшее количество очков я буду представлять к награде: за 120 очков — к третьему спортивному разряду, за 100 — к четвертому. А ежемесячно — за быстрейший и лучший рапорт — к диплому. Каждая задача принесет решившему 5 очков.

— Не хотите ли вы еще что-нибудь передать читателям «Костра»?

— Разумеется. Всех их я горячо поздравляю с Новым годом! А друзей шахматной доски — и с Новым, все лучшим и лучшим, ходом!

Телеграмма ТАШШ

В штабе АРЧЕБЕКА взломан сейф! Похищены приглашение и 2000 виз президента планеты Пульга! Грабители скрылись!

По АРЧЕБЕКУ объявлена тревога, а для розыска грабителей сформирован чрезвычайный спецотряд «Разведчики АРЧЕБЕКА» (РАР).

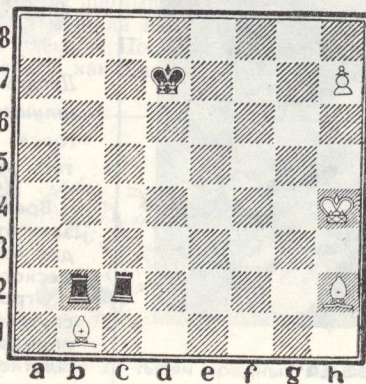
Донесения РАРовцев

«Выяснил клички бандитов — Шеф, Барон, Граф, Лорд, Маркиз. Атаман — Шеф. Разведку продолжаю. Точный».

БЬЮТ БАРАБАНЫ АРЧЕБЕКА

«В охране штаба стояли только рыцарята. Шеф заявил им, что он — новый заместитель Ферзьбери и хочет представить их к званию рыцарей. «Только исполните небольшую формальность — решите пустяковую задачку!» — сказал он. Для рыцарят она была непосильной, и пока они ломали голову, банда сделала свое дело и скрылась. Проворный».

«Докладывает Ловкий! Передаю по бильдаппарату позицию, заданную Шефом! Белые начинают и выигрывают».

В ставке адмирала

Шахмат-адмиралу подали донесение Ловкого.

— Ведь это этюд арчебековца Саши Салова! Рыцаря из Няндомы! — вскричал он, взглянув на диаграмму.

Недавно у одного рыцаренка, которого я посылал в типографию, где печатают «Костер», какой-то тип отнял листок с задачами арчебековцев. Это был бандит из той банды! Ну,

нет! Им не удастся использовать для обмана и другие задачи из листка! Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, объявляю:

Приказ № 1

§ 1. Шахматистам срочно решить — А) этюд Саши Салова; Б) задачу Алексея Кушперова (Головковка) — белые: Kpd1, Фh1, Cf7, Kb3; черные: Kрс3, мат в 2 хода; В) задачу Коли Манцерева (Назарово) — белые: Kрi4, Лg1, Сс4, Ке4, пп. b4, d2, d3; черные: Кре2, пп. b6, d4, мат в 3 хода.

§ 2. Шашистам немедленно найти за белых комбинации — А) Акана Койшина (Москалевка) — белые: а3, а5, с3, d2, е1, е3, f4; черные: а7, с5, с7, d6, d8, е7, g7, h6; Б) Бори Шавердяна (Тбилиси) — белые: b4, с1, с5, d4, е3, f4, g3, h4; черные: а3, а7, b6, d6, d8, е7, f6, g7, h6; В) Володи Бледных (Комсомольск-на-Амуре) — белые: b2, d2, е1, g5, h6; черные: b4, b8, d4, d6, g3, h8.

§ 3. Рыцарятам нарисовать — А) шах; Б) мат; В) пат.

§ 4. Срок присылки рапортов до 1 апреля. Помечайте на конвертах: АРЧЕБЕК. Указывайте свой адрес.

Наградной отдел АРЧЕБЕКА

За отличное и быстрое выполнение приказа № 9 награждаются: *Володя Поникаренко* (Константиновка), *Володя Пустовалов* (п. Лахта), *Игорь Рыкунов* (Калач), *Володя Зверев* (п. Майно), *Дамиль Авхадиев* (Чернушка), *Толя Макаренко* (п. Сосьва), *Саша Дмитриев* (Омск), *Валя Миронина* (Правоторово).

На 3-й странице обложки рисунок Г. Ковенчука

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Барикова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пактелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор Ю. П. Мезерницкий

Рукописи не возвращаются

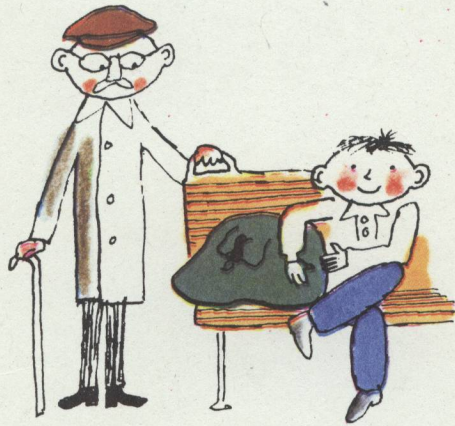
Технический редактор А. А. Двораковская

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-42611. Подписано к печати 10/ХІІ 1968 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 8+1 вкл. 6,36 усл. п. л. 8,8 уч. изд. л. Тираж 380 000 экз. Заказ № 1507. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1.

ЧТО ТАКОЕ *хорошо* и ЧТО ТАКОЕ *плохо*

Как не позавидуешь КОСТЕ ТЕРКИну: и тренер по волейболу им доволен, и пионервожатая. И для соседских ребятшек он — авторитет.

А чем Костя лучше других? Как будто и книг читает столько же, и учится не лучше, и в спорте не самый первый!

Вспомните-ка в эти рисунки. КОСТИ ТЕРКИНА здесь не видно. Случайно это? Как вы думаете, почему ему не нашлось здесь места?

Выпуск I
Смотри текст в номере

ФИНИШ

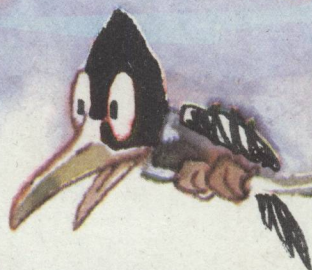
На колесах по лыжне —
интереснее вдвойне!

Для любителя примет
страшнее кошки зверя нет.

Он ногу сломал на решающем круге,
но, как говорится, «заял себя в руки».

Чтоб Юра Гогин не зачах,
необходима физкультура,
и вот стартует Гогин Юра
у папы с мамой на плечах.

Потап Кузьмич на лыжи влез
и за лисой потопал в лес.
То вверх ползает, то мчится вниз, —
увы, в лесу не видно лис!
Да, долго будет он в лесу
искать проказницу-лису!

Рисунки В. Гальбы